

криминальная мелодрама

Алена ВИНТЕР

Ее любовь не знает пощады...

Танец со смертью,
или Вернуться и простить

Алена Винтер

**Танец со смертью, или
Вернуться и Простить**

«ЭКСМО»

2012

Винтер А.

Танец со смертью, или Вернуться и Простить / А. Винтер —
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-55624-3

В жизни Маши Калининой не было тайн. Любящие родители, друзья, работа – уютный мирок разрушился в один миг, когда Маша выяснила: она неродная дочь в семье и у нее есть старший брат. Девушка очень хотела встретиться с единственным родным человеком, не подозревая – его ищет не только она... Эдуард Тамм мечтал о мести: несколько лет назад приемная дочь и ее любовник Макс ограбили его и едва не убили. Уже давно Тамм с помощником Бертом искали виновных, пока не узнали о существовании сестры Макса. Недолго думая, они решили использовать девушку в качестве приманки... Маша не верила, что ее брат способен на преступление, и не собиралась выдавать его. Она была готова ко всему, но вдруг заметила – Берт обращается с ней неожиданно нежно...

ISBN 978-5-699-55624-3

© Винтер А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алена Винтер

Танец со смертью, или Вернуться и Простить

Часть первая

Глава 1

Иногда утром открываешь глаза и понимаешь, что не хочешь начинать новый день. Маша еще не проснулась окончательно, но уже знала, что сегодня – именно такой день. Она чувствовала слабость в теле, голова ее нещадно болела и кружилась, суставы и кости, казалось, кем-то выкручиваются изнутри. Во рту было неприятно сухо, а кожа на лице горела. В общем, имелись все признаки того, что она вновь заболела.

– О боже, как же мне плохо, – простонала она, поднявшись с влажных простыней.

Посидев несколько минут на краешке дивана в попытках решить, что предпринять, чтобы привести себя в тонус, она вновь прилегла и укрылась одеялом. «Сон поможет мне прийти в себя», – подумала Маша и посмотрела в окно, за которым уже начался солнечный день. Веки ее налились тяжестью, дыхание стало тихим и свободным, но полноценно уснуть она не смогла. Вместо этого она погрузилась в тяжелую полудрему, заставлявшую ее вздрагивать от неясных образов, мелькавших в затуманенном сознании.

Маша не могла понять, были ли это отрывки из ее прошлого, либо ее утомленный болезнью разум пытался рассказать ей некую странную историю, пугавшую молодую женщину ясностью и реалистичностью образов. Казалось, все звуки и голоса, окружившие ее, пока она пребывала в этом странном бредовом состоянии, были настоящими. Маша могла повторить каждое слово и действия тех, кто, казалось, был рядом с нею. Задорный смех женщины, обнимающей ее, маленькую девочку в легком голубом платье, эхом разлетался по комнате. А потом ее взяли на руки и закружили. В теле ее возникло ощущение небывалой доселе легкости, перед глазами все поплыло, и удовольствие от этого было огромным...

– Калинина, – вдруг услышала она свою фамилию и недовольно дернулась. – Машка! – Голос настойчиво звал ее, но она не хотела возвращаться в свою комнату, где вновь почувствует себя слабой и больной. – Да что с тобой?! Опять температура подскочила?

Прохладные пальцы пробежались по ее лбу и вискам. Маша открыла глаза, увидела перед собой обеспокоенное лицо подруги и, облизав пересохшие губы, поздоровалась:

– Доброе утро.

– Утро? – засмеялась Сима. – Уже полдень.

– Быть не может! – Маша подскочила было, но тут же опустилась на подушки: от этого резкого движения в ее затылке что-то тяжело запульсировало. – Я проснулась в семь и вновь задремала на несколько минут...

– И вот – уже двенадцать. Когда ты болеешь, время словно течет как-то иначе. А-а! – Сима зевнула и потерла глаза. – Я сейчас упаду от усталости. Буду дрыхнуть до завтрашнего вечера, только поем сначала. Сутки ничего не было во рту.

– Естественно, – слабо улыбнулась Маша, – ты же всю ночь со своим красавцем занята была! Времени и не хватило – ни на сон, ни на еду.

– С каким красавцем? – Сима непонимающе взглянула Маше в лицо.

– С тем, кто устроил тебе ночной марафон. Ариффулина, убери выражение полной наивности из глаз! Я слышала эхо ваших подвигов из соседней комнаты, хотела было пойти успокоить вас обоих, потому что вы не только мне мешали, но и соседям.

– Маша, я не ночевала дома. Вчера утром мы с тобой позавтракали, и я уехала в больницу, осталась там на дежурство. Меня не было дома больше суток!

– Как – сутки?! – Маша недоверчиво покачала головой. – Я, конечно, помню вчерашний день и наш совместный завтрак... я еще не сошла с ума! Но мне казалось, что ты вернулась ночью в компании Алексея. Вы так шумели. – Она с огорчением дотронулась до своего горевшего лба. – Я не могла ошибиться.

– О, подруга, да у тебя просто были глюки! – Сима вышла из Машиной комнаты, и в коридоре послышался ее громкий смех. – Вот это фантазия!

Маша подошла к окну и замерла, разглядывая двор. Неужели ей действительно показалось, что ночью в квартире кроме нее был кто-то еще? Кто это?.. чужой?.. От этой мысли она вся похолодела. Маша передернула плечами, освобождаясь от наваждения, и выбежала в кухню, где Сима накрывала на стол. Остановившись на пороге, она тревожно заморгала глазами.

– Калинина, успокойся. Наверняка у тебя была высокая температура. Этим и объясняются твои бредовые измышления.

Голос Симы изменился, в нем зазвучали профессиональные нотки. Она поставила тарелки на стол и подошла к Маше. Дотронулась пальцами до ее запястья, прикоснулась к лицу подруги, оттянула ее нижнее веко и внимательно всмотрелась в глазное яблоко. Маша улыбнулась, представив, как нелепо эта сцена выглядит со стороны.

– Доктор Ариффулина ведет прием на дому, – сказала она, чуть отодвинувшись от Симы.

– Плохо выглядишь, – прищурилась Сима.

– Это диагноз?

– Маша, я серьезно! У тебя учащенный пульс, глаза мутные... и слезятся к тому же. Лицо бледное, на веках – синяки, которые даже под тональником не спрячешь. Температура у тебя не меньше тридцати восьми! Сколько дней она держится? Пять? Семь?

– Четыре, – тихо сказала Маша, опустив голову.

– Ты очень похудела...

– Это всё тренировки. В последнее время в фитнес-центре наплыв клиентов.

– Не ссылайся на работу, – прервала подругу Сима. – Ты фактически перестала есть!

– Аппетита нет.

– Я вижу, – Сима ткнула пальцем в ее ключицу, и Маша болезненно сморщилась. – Калинина, что случилось? – Сима не дала Маше ответить на этот вопрос и продолжила: – Раньше ты с легкостью справлялась со всеми жирными мешками, приходившими к тебе тренироваться. А сейчас ты жалуешься на усталость. Но самое смешное – я понимаю, что ты не блефуешь, стараясь избежать наскучившей тебе работы. У тебя действительно нет сил.

– Ошибаешься. Силы у меня есть. – Маша открыла холодильник, достала сыр и ветчину. – Просто аппетит куда-то пропал и сон исчез. Может, мне стоит начать принимать успокоительное? Сима, помоги, выпиши мне что-нибудь, не могу я больше не спать!

– Пилюли помогают только тогда, когда ты знаешь причину своего нездоровья.

– Не люблю, когда ты и дома продолжаешь оставаться в образе врача, – скривилась Маша, но не от слов Симы, а от вида еды.

– Врач не может быть врачом только в больнице. Это – образ жизни. Но сейчас я с тобой говорю по-дружески, а не как доктор Айболит. Возвращайся в постель, я принесу тебе что-нибудь теплое и сладкое. Собьем температуру, а завтра я отвезу тебя в свою клинику.

– В «свою»? – поддразнила Симу Маша, но та не отреагировала.

– Попрошу главного, чтобы он лично осмотрел тебя. Не откажет, – сказала Сима.

– Должник или любовник?

– Не хами, – порекомендовала ей Сима. – У меня сил намного больше, поэтому я с легкостью с тобой справлюсь.

Маша с иронией оглядела худенькую фигуру подруги. Сима всегда была тощей, как тростинка, и из-за этой ее особенности к ней в детстве приклеивалось немало дурацких прозвищ. Тем не менее, несмотря на свою внешнюю хилость, Серафима Ариффулина отличалась железным здоровьем и нестигаемым характером. Конечно, она не могла бы похвастаться такой физической силой и выносливостью, как Маша, и причиной этому были слишком разные образы жизни, которые вели подруги. Сима была медиком: строгим, циничным, проявляющим заботу о других, но – абсолютно не уважающим свое тело и собственное здоровье. Она много курила, часто употребляла алкогольные напитки, убеждая себя и других, что эти два «спутника жизни» помогают ей выдержать тот бешеный ритм, в котором проходили ее трудовые будни.

В отличие от Симы Ариффулиной Мария всегда бережно относилась к своему организму. Она никогда не держала в руках сигарету, позволяла себе лишь один бокал белого вина – раз в месяц – и интенсивно тренировалась в центре, где работала инструктором по фитнесу. Но в последние дни ей в голову стали приходить странные мысли о том, что все это напрасно. Зачем нужно было мучить себя постоянными физическими нагрузками, круглый год закаляться, ограничивать себя во всем, если в ее, такое здоровое, тело все равно коварно прокрадась болезнь? Вот Сима, например, толком и не спит из-за занятости в клинике, ест всякую дрянь, пьет почти каждый вечер, выкуривает по двадцать сигарет в день, а здорова как бык! У нее даже насморка никогда не было, что уж говорить о температуре или усталости! Эта «машина» никогда не ломается, она всегда бодрая и веселая, порою даже слишком.

– Что уставилась? – Сима дернула подругу за руку.

Маша с улыбкой посмотрела на ее короткие каштановые волосы, вздернутый веснушчатый нос и орехового цвета глаза. Внешность Симы не изменилась со школы. Такой же дерзкой и хрупкой на вид она была и в десятом классе, только волосы обрезала и теперь носит смешное каре, делающее ее похожей не на взрослую двадцатипятилетнюю женщину, а на девчонку, только вступившую во взрослую жизнь.

– Знаешь, Сима, я не могу с тобой пообедать, – сказала Маша. – У меня почти не осталось времени.

– Куда спешишь? Свидание?

– Днем не бывает свиданий.

– Дорогая, – усмехнулась Сима, – похоже, мне придется тебе многое рассказать о тайной жизни взрослых мальчиков и девочек! Днем тоже можно трах... ходить на свидания.

Маша рассмеялась, и Сима с облегчением вздохнула, заметив, что настроение у подруги поднялось, да и выглядела она уже намного лучше. Со щек исчез лихорадочный румянец, и глаза перестали пугать болезненным блеском.

– Куда убегаешь-то? – вновь спросила Сима, пройдя вслед за Машей в ее спальню и наблюдая, как подруга накладывает на лицо косметику.

– Сначала мне нужно встретиться с Андреем, потом хочу заехать к родителям. Они все придумать хотят, какой бы сюрприз устроить мне в день рождения. Нужно предупредить их, что я не собираюсь отмечать.

– Стоп! – Сима подняла руку. – Значит, «днюхи» не будет? Опомнись! Двадцать пять лет лишь раз в жизни бывает.

– Как и двадцать шесть, – возразила Маша, по глазам Симы поняв, что та намеревалась спросить ее о другом, но не решилась. – Говори!

– Насколько я помню, ты больше не собиралась встречаться с этим импотентом.

– Это было сказано сгоряча. И Андрей – не импотент.

– У тебя есть доказательства?!

– Ариффулина, прекрати эти нападки. Я сейчас не в состоянии дискутировать с тобой. Сима радостно хлопнула в ладоши и с победоносным видом уставилась на Машу.

– А мне хочется посплетничать, – заявила она и добавила: – У мужчины, который не хочет такую женщину, как ты, явные проблемы с членом и с его положением в окружающем мире! Либо твой Андрей – абсолютный импотент, либо у него психологические проблемы, либо...

– Я не интересую его, – закончила Маша.

– И вновь мы вернулись к моим прежним предположениям. Я тебя просто не понимаю, Калинина. Мужик тебя откровенно отталкивает, а ты все тянешься к нему! Может, проблемы личностного характера не у него, а у тебя? Странно, но прежде я не замечала за тобою склонности к мазохизму.

– Довольно! Ты меня утомила. – Маша подошла к шкафу и замерла, обдумывая, что надеть. – На улице тепло?

– Не жарко, – сказала Сима и вновь ринулась в наступление. – Почему тебя к нему так тянет?

– Сложно объяснить, – ответила Маша, натягивая шерстяное платье. – Андрей – веселый, добрый, с ним интересно, и он прекрасный рассказчик.

– Какие все-таки женщины глупые существа. – Сима сокрушенно покачала головой и вышла из комнаты. – Выпьешь со мной? – прокричала она из кухни.

– Еще рано для аперитива.

– Я имела в виду чай.

– Нет, – Маша посмотрела на часы, – иначе я опоздаю.

– Ладно, – согласилась Сима, заглядывая в комнату подруги. – Вечером поговорим. Передавай привет своим родителям. Давно я их не видела, надо будет им позвонить.

– Лучше съездила бы к моей маме на чашечку кофе, она обрадовалась бы тебе.

– Калинина, не заставляй меня придумывать отговорки. Скажу честно: сейчас у меня нет времени, но в выходные – не в эти, а следующие, – я думаю, получится.

– Тогда до встречи? – Маша легонько хлопнула Симу по плечу. – Ты будешь дома? Или у тебя другие планы?

– Еда, душ, сон, – отрапортовала Сима, открывая входную дверь. – Купи что-нибудь вкусненькое, когда соберешься возвращаться. Посмотрим какой-нибудь «сопливый» фильм, поговорим по душам... В общем, вечером я в твоём распоряжении.

Маша вышла во двор. У подъезда она едва не упала – яркие лучи солнца заставили ее зажмуриться, – и от прохладного воздуха у Маши закружилась голова. Она осторожно присела на скамью и опустила голову, пытаясь прийти в себя. У нее возникло желание вернуться домой и спрятаться под теплым одеялом, но Маше не хотелось отменять встречу с Андреем. Они и без того виделись редко. Поэтому она несколько раз глубоко вдохнула и поднялась.

Спрятав глаза за солнечными очками, она почувствовала некоторое облегчение и направилась в сторону метро. Андрей ждал ее в кафе на Невском, и Маша боялась опоздать, потому что до момента встречи оставалось мало времени, а от дома, где они с Симой снимали квартиру, до центра города нужно было сделать две пересадки. В метро Маша снова почувствовала себя нехорошо. Прийти в себя ей помогли мысли о человеке, в которого она была влюблена уже несколько месяцев.

Они познакомились полгода назад в фитнес-центре, где Маша работала инструктором. Сначала Андрей не произвел на нее впечатления. Светловолосый, сероглазый, худой, он очень отличался от мужчин, которые ее окружали, и в первую очередь subtilной фигурой. Маша привыкла общаться с атлетами, ревностно следившими за своей мускулатурой, Андрей же выглядел на их фоне несформировавшимся подростком. Впрочем, именно эта непохожесть на остальных и заставила девушку обратить на него внимание. Позже она узнала о его спокойном характере, увидела, как светятся его глаза, когда он рассказывает какую-нибудь историю из

своего прошлого, слышала его мягкий, влекущий смех – и незаметно для себя влюбилась. Рядом с Андреем ей было хорошо, она не чувствовала обычной скованности, более того, Маше казалось, что общение с ним открывает перед ней некий неизвестный, но очень интересный мир, о котором она ранее не знала. Огорчало одно: Андрей четко дал ей понять, что ищет лишь дружеских встреч и не рассматривает ее в качестве подруги. Сначала Маша злилась на него, даже отказывала ему в этих встречах, но потом поняла, что поступает глупо, теряя мужчину, который ведет себя так открыто и честно. Пожалуй, Андрей был единственным, кто не пытался вовлечь Машу в любовные интриги и просто наслаждался ее обществом. И все же иногда ей хотелось перевести их отношения на другой уровень, однако все ее попытки оказались безрезультатными: Андрей проявлял по отношению к ней мягкость и участие, но оставался все таким же далеким и недоступным.

– Я задержалась? – спросила она, подойдя к столику. – Давно ждешь?

Мужчина поднялся, помог ей снять пальто и галантно отодвинул стул в сторону, приглашая ее присесть.

– Не беспокойся, – ответил он. – Я не скучал.

– А хотелось бы!

Маша случайно обронила эту фразу и смутилась, так как не раз обещала себе – не говорить Андрею о своих чувствах вслух.

– Что закажем? – спросил он.

– Я буду кофе, – быстро ответила Маша. – Как у тебя дела? Давно не виделись.

– Работы много, – он испытующе всмотрелся в ее лицо. – У тебя, я вижу, тоже. Неважно выглядишь.

– Грустно слышать подобное от мужчины, который тебе нравится, – ответила Маша и вдруг рассмеялась, так как за последние пять минут уже дважды нарушила свое обещание. – Прости. Не сдержалась.

Мужчина улыбнулся, накрыл ее руку своей ладонью, отчего ее смех резко оборвался. Он нечасто позволял себе дотронуться до нее, только в те моменты, когда сообщал, что намерен надолго уехать из города. Маша знала, что он работает в крупной компании, правда, она не имела понятия, чем эта компания занимается. Впрочем, это ее не интересовало, имело значение только то, что теперь они долго не увидятся. В прошлый раз Андрей был вынужден уехать на месяц, после возвращения он пробыл в городе лишь несколько дней и вновь куда-то исчез. Так повторялась много раз, и Маша всегда ощущала пустоту в сердце, когда его не было рядом.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она.

– Завтра.

– Надолго?

– Допрашиваешь? – улыбнулся он. – Лучше расскажи, как ты?

Маша пожала плечами, не зная, что ответить:

– Все как обычно. Работа, дом. Болела недавно. Думала, что выздоровела, но, как оказалось, еще нет.

– Ты и сейчас плохо себя чувствуешь? – беспокойство послышалось в его голосе. – Не стоило тебе сюда приходить. Могли бы и по телефону поговорить.

– Но я хотела увидеть тебя! Гораздо интереснее разговаривать, глядя друг другу в глаза, чем прижимать к уху холодную трубку.

– Значит, все по-старому? Других новостей нет?

– О чем ты? – Маша поблагодарила официанта, принесшего кофе. – У меня каждый день случаются новости. Я же не одна живу, а с Арифудиной, она всегда что-нибудь отмачивает.

– Забавное слово. И Серафима твоя тоже забавная.

– Ей об этом лучше не знать: разозлится. Она ведь тебя не жалуется.

– Мы же виделись только один раз. Как можно за час просканировать человека и понять, что он плохой?

– Ну, это же Сима! Свое мнение она составляет быстро и потом редко его меняет.

Маша отпила глоток горячего кофе и почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Она отодвинула чашку и отвернулась в сторону, пряча лицо от Андрея.

– Мария, что с тобой? Тебе плохо?

Она посмотрела на него и покачала головой:

– Если ты рядом, мне не может быть плохо. Когда вернешься?

– Не знаю. Но я обязательно тебе сообщу.

Она заметила, что Андрей встревоженно посмотрел в окно, оглядел улицу. Выражение его лица стало напряженным, что отразилось и в его голосе, и в поведении.

– Мне пора, – сказал он.

– Так быстро? – удивилась Маша, но решила не уговаривать его остаться в этом милом месте еще на несколько минут, чтобы продлить удовольствие от общения с ним.

– Ты поедешь домой? – спросил он вместо ответа.

– Нет. – Маша покачала головой. – Я обещала встретиться с родителями, поэтому сейчас поеду к ним.

– Как они? – голос его заметно потеплел, словно он спрашивал не о незнакомых ему людях, а о ком-то близком и дорогом.

– Хорошо. Готовятся к моему дню рождения. Смешно получается: не я намерена устраивать себе праздник, а они собираются отмечать.

– У тебя хорошие родители.

– Не жалуюсь, – Маша поднялась со стула и накинула на плечи пальто.

– Давай я отвезу тебя, – предложил он, и Маша счастливо улыбнулась:

– Согласна!

Машина была припаркована недалеко от кафе, и Маша обрадовалась тому, что ей не пришлось далеко идти. Она чувствовала, что сил у нее совсем не осталось и вряд ли она добралась бы домой на метро.

– Прошу, фрау Мария. – Он галантно открыл перед ней дверцу.

– Как красиво это прозвучало, – тихо проговорила она. – Говоришь по-немецки?

– С чего ты взяла?

– Слова лились так гладко, с характерным звучанием, как может говорить лишь человек, часто пользующийся этим языком.

Мужчина рассмеялся, обошел машину и сел за руль.

– Тебе бы лингвистом работать, а не гантели таскать, – сказал он. – У тебя идеальный слух!

– Так я угадала?

Он немного замаялся, но все же кивнул. Маша посмотрела на проплывавшие мимо них машины, магазины, дома...

– Андрей, а куда ты едешь?

– Везу тебя к твоим родителям.

– Я не говорила, где они живут. – Она, нахмурившись, взглянула на него. – Но маршрут правильный.

– Дорогая, мы всего лишь выезжаем из центра. – Он с усмешкой похлопал ее по коленке. – Теперь называй адрес. А еще лучше скажи, где поворачивать.

Маша кивнула, но отчего-то ей показалось, что Андрею известно, куда нужно ехать, просто он пытался заверить ее в обратном. Не желая портить себе настроение этими непонятными и почему-то пугающими размышлениями, она быстро переключилась на дорогу и беседу с человеком, которого, как она предполагала, теперь не скоро увидит.

– Приехали.

– Отчего люди всегда говорят именно это, когда машина останавливается? – спросила Маша, не ожидая от него ответа. – Спасибо за встречу. Правда, она оказалась короткой и пустой.

– Не злись. – Мужчина нежно потрепал Машу по щеке. – Ты такая горячая!

– Температура опять поднялась, – ответила Маша будничным тоном, будто подобное случалось с ней несколько раз в течение дня. – Увидимся? – спросила она, подставив ему щеку для поцелуя.

– Непременно. – Он быстро коснулся ее щеки губами.

– Тогда пока. – Маша вдруг разозлилась оттого, что Андрей, чмокнув ее, быстро отодвинулся, как ошпаренный, и резко открыла дверцу.

Проследив взглядом за уезжавшей машиной, она несколько минут постояла в тишине двора и нехотя вошла в подъезд. Поднявшись по лестнице на второй этаж, Маша остановилась у двери квартиры родителей, чтобы перевести дыхание, которое никак не хотело восстанавливаться, и придать лицу спокойный вид. Иначе, увидев ее, такую взъерошенную и запыхавшуюся, мама станет волноваться, следом за ней начнет беспокоиться отец, а тревожить родителей Маше не хотелось.

Уже собираясь позвонить, Маша вспомнила о ключах. О них она часто забывала, так как уже давно перестала считать квартиру родителей своей и приходила сюда скорее как гостя, нежели как хозяйка. Своим домом Маша называла квартиру, которую они с Симой снимали уже больше пяти лет, еще со времен их учебы в университете. Конечно, подруги понимали, что когда-нибудь им придется разъехаться, но пока что обеих устраивала эта совместная жизнь. Сима была хорошим компаньоном: девушка она была аккуратная, редко шумела, мужчин приводила нечасто и почти всегда пропадала на работе. Порою они не виделись в течение нескольких дней, лишь перезванивались, чтобы объяснить друг другу свое длительное отсутствие.

Они начали дружить еще в школе, за это время многое изменилось в их жизнях, лишь отношения их остались прежними. Они отличались прочностью, взаимной снисходительностью к ошибкам друг друга, но главной их особенностью была свобода, которая никогда и ничем не ограничивалась. Маша и Сима были близки, но вместе с тем они не зависели друг от друга. У них были разные увлечения, знакомые, привязанности, наконец, работа, однако именно это делало их дружбу насыщенной и интересной. В ней не оставалось места для скуки, она всегда была яркой и новой.

– Мама! – Маша остановилась на пороге, раздеваясь, и улыбнулась вышедшей из кухни матери. – Mamochka! – Она раскрыла объятия, и мать крепко прижалась к ее груди. – Как же я соскучилась!

– Солнышко, если ты так сильно скупаешь, как утверждаешь, может, вернешься домой? А еще лучше, давай мы купим тебе квартиру рядом с нашей.

– В этом же подъезде? – пошутила Маша и принялась. – Что это?

– Ягодный пирог.

– Отлично! – обрадовалась Маша. – Не придется заходить в магазин за «вкусненьким» для Ариффулиной. Она будет рада такому подарку.

– Ты голодна, зайчонок? – засуетилась мама и улыбнулась. – Ну вот. Не видела тебя чуть больше недели, а ощущение такое, будто мы год в разлуке прожили. Как ты, моя девочка?

Маша снова обняла маму за мягкие плечи и поцеловала в лоб. Она с любовью посмотрела в ее счастливые глаза и вздохнула. За последние годы мама сильно изменилась. По ее лицу веером разбежались морщинки, кожа потемнела, волосы потускнели, но все равно она осталась такой же красивой, как и прежде. Во всяком случае, так думала Маша, и отец подтверждал ее слова. Он считал свою жену непревзойденной красавицей, о чем не устал повторять. Валентина Борисовна застенчиво краснела, но ей было приятно слышать комплименты от мужчины,

которого она искренне любила. Маша часто удивлялась, глядя на своих родителей, сумевших сохранить нежность в отношениях. Казалось, за тридцать лет брака чувства их должны были угаснуть либо стать более сдержанными, но родителей, похоже, подобное не устраивало. Они все так же проявляли мягкость и доверие по отношению друг к другу и учили этому свою единственную дочь.

– Маша, ты не ответила, – напомнила мама. – Чем тебя угостить?

– Я не голодна.

– Ты похудела, – покачала головой Валентина Борисовна.

– А ты поправилась. – Маша шутливо ткнула пальцем в мамин округлившийся живот.

– Твоя правда. Не знаю, как это случилось, но у меня вдруг появились лишние семь килограмм. Чай или кофе?

– Чай, – улыбнулась Маша, обрадовавшись забывчивости мамы: еще минуту назад она начала разговор о фигуре дочери, теперь же переживает из-за своего веса, но при этом уплетает кусок пирога. – Мам, я хотела сказать, чтобы вы с отцом не придумывали для меня... – она замялась. – Я не хочу отмечать день рождения.

– Почему? Что-то случилось?

– Все в полном порядке! Просто я не считаю этот день праздником. Я никогда не любила его. Хотя, нет. Мне он всегда был безразличен.

– Дочь, ты лукавишь, – прищурилась Валентина Борисовна. – Или нечто утаиваешь. Сама расскажешь или придется тянуть все из тебя по слову? А может, мне надо позвонить Серафиме? Она быстро все сообщит мне о причинах твоего нежелания отмечать юбилей.

– Слово-то какое помпезное! – взмахнула руками Маша. – Юбилей! Не звони Симе, нового она тебе ничего не скажет. Кстати, а где папа?

– В клинике. Сегодня у него очень загруженный день, он даже на обед не приезжал.

– Жаль, что мы не встретимся, – искренне огорчилась Маша. – Но ты передай ему мою просьбу. Я не желаю этого пустого праздника! Будет лучше, если я просто приеду к вам, ты приготовишь ужин и мы посидим дома за бутылочкой вина и разговорами. Тихо, спокойно, без всяких чудачеств.

– Уверена?

– На все сто, – кивнула Маша.

– Надеюсь, от подарка ты все же не откажешься?

– Мама, – лицо Маши стало серьезным, – одно дело – ответить отказом на предложение устроить шумную вечеринку, и совсем другое – не принять подарок. Только глупец откажется от машины.

– Отец проболтался! – прищелкнула языком Валентина Борисовна и укоризненно покачала головой.

– По-другому и быть не могло. Я лично выбирала ту красотку, которая и будет отныне меня «возить».

Маша посмотрела в окно. Небо уже окрасилось в темные тона: незаметно наступил вечер.

– Все-таки не станешь дожидаться отца? – спросила Валентина Борисовна, когда дочь объявила о том, что она уходит.

– К сожалению, нет. Поцелуй его вместо меня.

Маша ощущала такую усталость, что готова была упасть прямо в прихожей, но быстро собралась с остатками сил, боясь напугать маму внезапным обмороком. Она стремительно оделась, расцеловала Валентину Борисовну на прощание и выбежала за дверь.

– Пустой день, – пробормотала она, глядя в темное небо. – Черт! – вдруг выругалась она, вспомнив, что не взяла для Арифудиной мамин пирог.

Теперь придется заезжать в магазин... Маша появилась дома только через два часа. Поставила коробку со сладостями на столик для ключей и, не снимая обуви, прошла к себе в комнату. С протяжным вздохом легла на диван и прикрыла лицо ладонями.

– Совсем плохо? – с сочувствием спросила Сима, появившись в комнате подружки.

Она заботливо сняла с нее сапоги, отставила их в сторону, помогла Маше подняться и сбросить пальто.

– Калинина, ты меня пугаешь!

– Брось. Завтра мне станет лучше. Обещаю: я болею последний день, утром проснусь здоровой.

– Нужно показаться врачу, – сказала Сима, заботливо укутывая дрожащую Машу одеялом. – Твое самолечение не дает результатов.

– А ты мне зачем же? – едва слышно пробормотала Маша. – К тому же я была у врача. Он выписал таблетки от кашля.

– Но у тебя нет кашля.

– Вот именно. Поэтому я и не хочу видеть докторов. Да, я сласти всякие привезла, как ты просила. В прихожей оставила.

– Умница. – Сима расплылась в улыбке, присела рядом с Машей, погладила ее по щеке, дотронулась до ее висков, шеи. – Калинина, ты вся горишь! Значит, так, завтра ты едешь со мной в больницу. Никаких отговорок!

Глава 2

Утром Маша, как и обещала, проснулась свежей и отдохнувшей, будто вообще не болела. Впервые за последние дни она чувствовала себя здоровой: температура опустилась до уровня нормальной, голова перестала кружиться, боли в суставах прекратились. И самое главное, к ней вернулся аппетит. Именно поэтому Маша объявила Арифудиной, что поездка в больницу отменяется. Сима, удивленная ее столь быстрым и неожиданным выздоровлением, запротестовала.

– Поедешь, – заявила она категоричным тоном. – То, что сейчас ты чувствуешь себя более или менее хорошо, еще ни о чем не говорит. К вечеру прежнее состояние может вернуться.

– Сима, не более или менее, – поправила подругу Маша, – а конкретно хорошо. У меня прилив сил! Мне снова хочется жить, что-то делать, а не валяться без всякой пользы в постели. Ты же заставляешь меня ехать в больницу и напрасно терять время. Мне нужно в фитнес-центр, я должна им сообщить, что готова к работе. Я уже соскучилась по своим тренажерам и «толстым мешкам», как ты недавно любезно выразилась.

– Работа подождет, – настаивала Сима. – Не шути со здоровьем, Калинина! И прекрати искать причины для отказа. Мы едем в больницу. Точка! Тем более я уже сообщила главному, что привезу тебя. Представь, в какое положение ты меня поставишь, если откажешься от обследования? Михаил Валерьевич отложил все дела и готов заниматься только тобой.

– Михаил Валерьевич?

– Заведующий терапевтическим отделением, – пояснила Сима. – Мой непосредственный босс и хозяин, – хмыкнула она, произнеся последнее слово. – Так, во всяком случае, он себя называет.

– То есть ты от меня не отстанешь? – лукаво улыбнулась Маша. – Шансов отказаться у меня нет?

– Ни одного. – Глаза Симы были серьезными. – Ты очень напугала меня вчера. Не хочу, чтобы нечто подобное повторилось.

– Ладно, уговорила, – вздохнула Маша, демонстрируя свою полную капитуляцию. – Только скажи, что там со мной будут делать?

– Проводить запрещенные опыты и испытывать на тебе новые лекарства.

Маша растерянно посмотрела на подругу.

– Калинина! – вдруг разозлилась Сима. – Ты как пятилетний ребенок, который боится укола! Что с тобой там могут сделать? Проведут профилактический осмотр, выполнят общий анализ крови. Хорошо, что ты не успела позавтракать, иначе процедуру пришлось бы отложить. Видишь ли, это лучше делать натошак. Да, не забудь сделать маленькие дела в баночку. Тоже пригодится.

Сима говорила, не останавливаясь, и одновременно гладила юбку. Складывалось такое впечатление, будто она повторяет заученный накануне урок, а не рассказывает о том, как Маша проведет следующие несколько часов.

– Сделаем ЭКГ. Отправим тебя к окулисту, лору, гинекологу...

– Сима, ты шутишь? – спросила притихшая Маша. – Зачем все это?

– Для того, чтобы узнать точную картину.

– Картину чего?!

– Маша, ты думаешь, это нормально, когда у человека в течение недели держится высокая температура? Когда он слаб, предельно утомлен и масса его тела быстро снижается? Кроме того, у тебя и кровь носом шла.

– Неправда, – возразила Маша.

– Я видела окровавленные салфетки в мусорном ведре, поэтому нет смысла лгать.

Сима натянула плотные колготки, юбку и блузку и, остановившись у зеркала, придирчиво себя осмотрела. Видимо, увиденное вполне удовлетворило ее: она улыбнулась и подмигнула своему отражению.

– Калинина, поторопись! – прокричала она из коридора.

Маша обреченно посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос подруги, и присела на диван. Она вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которой взрослые указывают, как ей следует поступать, а сама эта девочка не имеет решимости отказаться не делать то, что ей не нравится. Все же Маша понимала, что Сима беспокоится о ней, оттого и настаивает на этом осмотре.

– Уже иду, – сказала она Симе. Подруга недовольно постукивала пальцами по двери и считала вслух убегающие секунды. – Зануда!

– Мне больше нравится слово «манипулятор», – усмехнулась Сима, подав Маше сумочку.

В больнице Маша пробыла три часа. Бесконечное посещение различных врачей утомило ее. Благо что рядом с ней был Михаил Валерьевич, босс Симы, при непосредственном участии которого ей не пришлось стоять в очередях. Серафима Аркадьевна также удостоила Машу своим вниманием, лично осуществив забор крови. Маша с удивлением наблюдала за ее сосредоточенным лицом и спокойными движениями. В Симе напрочь отсутствовала та нервозность, которую привыкла в ней видеть Маша. Здесь, в больнице, подруга и выглядела, и вела себя по-другому: как настоящий врач, надежный, уверенный и мягкий одновременно. Последнее качество Маша считала наиболее важным, так как оно успокаивало пациентов и делало их пребывание в этих стенах менее удручающим и тревожным.

– Ариффулина, тебе идет белый халат, – улыбнулась она, глядя на пробирку с красной жидкостью.

– Спасибо. – Сима изобразила реверанс и передала пробирку медсестре. – Сейчас мы твою «четверку» на анализ отправим. И все, можешь ехать домой.

– Что ты отправишь на анализ? – переспросила Маша.

– Твою кровь. «Четверка», потому что четвертая группа.

– Но у меня же первая группа. И в карточке написано, что первая.

– Как первая? – удивилась Сима, подошла к столу и взяла в руки амбулаторную карту Маши. – Да, точно, первая. Я просто... В прошлом году, когда твоя мама болела, она обращалась в нашу клинику. Мы сделали все необходимые анализы... – Сима почему-то замялась на мгновение, как-то беспомощно оглядевшись по сторонам. – Я точно помню, что у Валентины Борисовны четвертая группа. Она еще сказала тогда, что и у твоего отца такая же. Вот я и сделала вывод... Ошиблась!

– В чем ошиблась? – не поняла Маша и вдруг заволновалась. – Что-то не так?

– Все нормально, Калинина, – уверенно ответила Сима. – Даже такие гении, как я, иногда допускают ошибки.

– Какие ошибки? – не унималась Маша.

Сима бросила расстроенный взгляд на Михаила Валерьевича. Он молча прислушивался к их разговору.

– Машенька, все в порядке, – наконец сказал он и поднялся с кресла. – Сейчас мы проведем клинический анализ крови, это уже наша работа. От вас требуется только спокойствие и улыбка. Ну, улыбнитесь мне!

Он дотронулся пальцами до ее подбородка и заставил Машу посмотреть на него. Та, глядя в его светящиеся глаза, неуверенно растянула губы в улыбке. Михаил Валерьевич тоже улыбнулся, показав ряд потемневших от многолетнего курения зубов. Он стал похож на старую лошадь, добрую, безмятежную и абсолютно не умеющую кусаться. Маше даже захотелось потрепать его по холке и погладить его ввалившиеся щеки. Естественно, Маша не посмела этого сделать, однако она невольно потянулась вперед, словно намеревалась обнять

его. Михаил Валерьевич с кокетливым выражением лица постучал пальцем по ее носу и, еще раз улыбнувшись, произнес:

– Серафима о вас многое рассказывала.

– Надеюсь, только хорошее, – сказала Маша и покачала головой. – Банальная фраза, но ничего более остроумного мне не пришло в голову. Значит, я свободна?

– Иди. – Сима махнула рукой. – Вечером увидимся. И не вздумай возвращаться на работу! – добавила она, повысив голос. – Пока анализы не будут готовы, я рекомендую тебе оставаться дома.

– Серафима, я чувствую, что ты метишь на мое место, – зычно хохотнул Михаил Валерьевич, уцепившись Симу за бедро, отчего та взвизгнула. – Ведешь себя, как я в твоём возрасте. Нагло, уверенно и по-хозяйски. Я, между прочим, уже в университете знал, что стану заведующим отделением.

– Значит, мои амбиции превосходят ваши, – ответила Сима, коварно усмехнувшись. – Я нацелилась на место главврача! Не меньше. И вообще, плох тот медик, кто не мечтает стать министром здравоохранения.

Михаил Валерьевич тихонько хмыкнул, потянулся к диванчику, где лежала Машина сумочка, и подал ее молодой женщине. Та благодарно кивнула и направилась к двери, выбросив в урну ватку, которую Сима приложила к месту укола.

– Спасибо за помощь и участие, – сказала она, повернувшись к Михаилу Валерьевичу. – Сколько я должна...

– Оставьте, – оборвал он ее на полуслове. – Это лишнее. – Он причмокнул губами. – Мы с Серафимой Аркадьевной сами договоримся.

Выходя из клиники, Маша задержалась на мгновение на пороге, глубоко вдохнула прохладный воздух и медленно побрела к станции метро. У нее появилось ощущение, будто болезнь возвращается: плечи заломило от усталости, да и щеки на ощупь казались горячими.

Дома, приняв душ и перекусив, Маша с облегчением поняла, что ошиблась. Она чувствовала себя хорошо, даже бодро, однако мысленно все время возвращалась к разговору в кабинете Михаила Валерьевича, ощущая некую растерянность.

Заварив крепкий кофе, Маша долго сидела в кухне, прислушиваясь к тишине в квартире. Ей было тоскливо, как никогда прежде, и понять причины подобного состояния она не могла. В ее жизни все было прекрасно – хорошая работа, нежные родители, верная подруга, масса поклонников, однако она испытывала смутное ощущение, словно ей чего-то не хватает. И это «что-то» не давало Маше покоя.

До самого вечера Маша ходила по комнатам, казавшимся ей какими-то чужими, и пыталась понять: отчего в ее голове и сердце поселилась пустота? Через несколько часов, предприняв массу безрезультатных попыток самоанализа, она, наконец, заставила себя успокоиться. А чтобы окончательно прийти в себя, решила отвлечься и включила компьютер. Фильм, который Маша начала смотреть, был скучным, вернее, она просто отвлеклась: думала не о происходящих на экране событиях, а об удивлении Симы, когда та узнала, что у нее первая группа крови – притом что у ее родителей четвертая. Маша выключила фильм и ввела в поисковую строку интересовавший ее вопрос. Пришлось долго разбираться в специальных незнакомых терминах, изучать сайты медицинских исследований. Она открывала все новые и новые ссылки, и постепенно картина начала вырисовываться. Удивление Симы уже не казалось ей загадочным, тем более что ему нашлось научное объяснение.

От входной двери послышался шум, и в коридоре показалась Сима. Вернее, не видя подруги, Маша знала, что пришла именно она, потому что, кроме них двоих, ключей от квартиры не было ни у кого.

– Калинина, ты дома?! – прокричала Сима.

Вместо ответа Маша вышла в прихожую и в замешательстве замерла: Ариффулина стремительно подбежала к ней и схватила за плечи.

– Привет, – сказала Сима, крепко сжимая пальцы. – Ты как?

– Хреново, – усмехнулась Маша.

– А что... – начала Сима, но замолчала, заметив, что Маша не высказалась до конца.

– Я вспомнила тот вечер, когда мама мне рассказывала, как они с отцом познакомились, – сказала Маша, прошла в кухню и поставила чайник на плиту. – Ты тоже при этом присутствовала.

– При вашем разговоре?

Сима сбросила обувь, следом за Машей вышла в кухню и заглянула в холодильник. Достала с верхней полки йогурт и с отвращением посмотрела на него.

– Помнишь, как моя мама смеялась, – продолжила Маша, – рассказывая, что они с отцом подходят друг другу на генетическом уровне? Мало того, что у них одинакового цвета глаза, темные волосы, одинаковые отчества, так еще и кровь одной группы. Что ж, Симка, теперь я знаю, почему ты так удивилась, когда услышала, что у меня первая группа.

– Слушай, ты, детектив сран... – Сима с гневом бросила баночку йогурта в мойку, так и не открыв ее. – Ты ничего не понимаешь в медицине, в особенности в генетике, поэтому не смей строить тупые предположения!

– Ариффулина, расслабься, – Маша примирительно похлопала подругу по плечу и, услышав свист закипевшего чайника, отставила его в сторону и занялась приготовлением чая. – Все, что я нашла в Интернете, – лишь теория, но тебе, как никому другому, известно, насколько большое значение она имеет. Это свод общих правил, на которых базируется вся генетика.

– Словно медик заговорила, – ехидно сказала Сима и оперлась руками о подоконник. – Таким мнительным и недоверчивым особам, как ты, нельзя использовать возможности Интернета. Все это может плохо закончиться!

– Объясни мне, доктор Пилюлькин, как получилось, что у меня с моими родителями разные группы крови?

– Такое часто случается...

– Но не в моем случае. – Маша убежала к себе в комнату и вернулась с исписанными листками в руках. – Если у отца и матери четвертая группа крови, – прочла она, – то вероятность рождения ребенка с такой же группой равна пятидесяти процентам. С третьей и второй группой – вероятность по двадцать пять процентов на каждую. И ноль процентов – с первой! Но ты и сама это знаешь, раз так удивилась, узнав, что у меня – единица. Или как вы там еще называете мою группу крови? Просто «первая» или «0»? Я ведь права? – Маша схватила Симу за руку и с силой потянула подругу на себя. – Отвечай, Ариффулина! Если бы не твое случайное восклицание, я так ничего и не узнала бы!

– Чего не узнала бы? – Сима как-то обмякла от Машиного напора и растерялась.

– Что родители мне – не родные.

– А какие? – вскричала Сима. – Кто тебя растил? Кто любил, душу в тебя вкладывал? Чужие дядя и тетя?!

– Сима, не в этом дело.

– А в чем?! – продолжала возмущаться Ариффулина. – Подумаешь, группа крови не совпала! Это еще не повод, чтобы сомневаться в вашем родстве!

– Какой же еще нужен повод? – Маша тоже повысила голос.

Она вновь вышла из кухни, но так же быстро вернулась, держа в руках рамку с фотографией, на которой была запечатлена семья Калининых.

– Есть ли между нами какое-либо сходство?

Сима внимательно всмотрелась в застывшие на снимке фигуры. Валентина Борисовна, счастливая, прижимала к себе дочь, а Сергей Борисович нежно обнимал за плечи своих люби-

мых женщин. Маша действительно заметно отличалась от Калининых-старших. Светловолосая, белокожая и худая, она была полной противоположностью своим голубоглазым, темноволосям и склонным к полноте родителям. Сима удивилась и тому, что ни у кого из них прежде не возникало вопросов по поводу их родства. Хотя для этого не имелось предпосылок, поэтому сложно было представить, что Маша была удочеренным ребенком: уж очень нежными были отношения в их семье.

– Обрати внимание на цвет глаз, – посоветовала Маша, ткнув пальцем в лицо отца. – У меня глаза карие. Темные! А у родителей – голубые. Ребенок, у обоих родителей которого светло-голубые глаза, не может иметь глаза темнее, чем у них.

– Это лишь предположение. – Сима прикусила губу, понимая, что в голосе ее не слышится уверенности.

– Разве? Цвет глаз наследуется согласно законам Менделя. Я даже на одном медицинском сайте диаграмму нашла, на ней показаны... – Маша запнулась и прочитала с листка: — ...шансы появления того или иного цвета глаз ребенка в процентном соотношении, в зависимости от цвета глаз его родителей.

– На медицинских сайтах еще и не такой бред пишут. Послушать тебя, так можно и тесты на ДНК не проводить! Зачем? Достаточно сравнить группы крови, цвет глаз, проверить, имеется ли у обоих родителей ямочка на подбородке... И все, результаты «экспертизы» готовы!

Сима спрятала лицо в ладонях, пытаясь справиться с волнением, потому что все то, о чем говорила Маша, было правдой. Однако она не решалась подтвердить предположения подруги, понимая, насколько серьезными могут быть последствия.

– Может, кофе для тебя заварить? – с заботой спросила Маша, погладив поникшую Симу по голове.

– Нет, – нахмурилась та и отстранилась, не желая чувствовать прикосновения теплой ладони подруги. – Я лучше выпью чего-нибудь покрепче. Купила по дороге.

Она убежала в коридор и вернулась с бутылкой красного вина.

– А белого не было? – спросила Маша.

– Ты же не пьешь, – сквозь зубы процедила Сима, доставая из буфета один бокал.

– Еще как пью! – воскликнула Маша и попыталась отнять бутылку, но у нее ничего не получилось, уж очень цепко Сима держалась за горлышко. – И ладно! Смотри, не захлебнись.

– Поверь, я не доставлю тебе такого удовольствия, – сказала Сима, открыла штопором бутылку и сделала глоток прямо из горлышка.

– Да что с тобой происходит?! – возмутилась Маша. – Отчего ты так злишься на меня? – В глазах ее показались слезы. – Я жду твоей поддержки, внимания, наконец! А ты вместо этого рычишь на меня, будто я в чем-то провинилась. Мне обидно, Ариффулина! К тому же у меня чертовски погано на душе.

Она схватила свои бумажки и собралась уйти из кухни, но Сима заставила ее остановиться.

– Прости меня, – сказала она дрожащим голосом. – Я просто нервничаю.

Маша внимательно посмотрела на ее покрасневшие щеки.

– Но почему? У меня плохие анализы? Я чем-то больна? Ну, говори, не молчи... Сима, ты пугаешь меня! Я больна, да?! – в страхе выкрикнула Маша и вдруг застонала. – О, Боже!

– Успокойся, – оборвала ее Сима. – Анализы у тебя не очень хорошие, но не страшные. – Она поднялась, посмотрела в окно, словно собиралась с мыслями, повернулась к Маше, сложила руки на груди и спокойно произнесла: – У тебя повышенное содержание лейкоцитов в крови. Это ненормально, однако вполне решаемо.

– В смысле?.. – Маша нервно улыбнулась.

– Когда мы увидели результаты, испугались, что у тебя серьезное заболевание. – Сима взволнованно облизала губы. – В общем, картина была плохая, если учесть твои симптомы:

высокая температура, слабость, боли в суставах. Да еще и аномальное количество лейкоцитов в крови. Все вело к тому, что у тебя...

– Лейкемия?!

– Слава Богу, этот диагноз не подтвердился, но ты нас очень напугала!

– Мамачки! – Маша приложила ладошки к губам. – Этот же рак!

Сима подошла к подруге и встряхнула ее за плечи:

– Я же сказала, что все в порядке! Просто у тебя в организме идет воспалительный процесс, оттого и лейкоцитов больше допустимого. Но ничего, – голос ее был властным и одновременно спокойным. – Я принесла все необходимые лекарства, пилюльки всякие, микстуры... Будем лечиться. Больничный тебе тоже оформим, на этот счет можешь не переживать.

Договорив, Сима подошла к столу, взяла бутылку вина и сделала несколько глотков.

– Поэтому ты мне пить не разрешала? Из-за антибиотиков?

– Во время лечения алкоголь противопоказан. Он отодвигает момент выздоровления.

– Можно сделать хотя бы один глоток? Пожалуйста, мне очень нужно. На душе так тяжело, ты даже не представляешь.

– Можно, – Сима решила проявить милосердие, – но только один.

Маша честно сделала один глоток, правда, очень большой.

– Вот черт! – выдохнула она. – Не представляешь, что я пережила за эти пять минут! Такое ощущение, словно...

– Вся жизнь пролетела перед глазами? – с ухмылкой спросила Сима. – Из-за подобных новостей и не такие глюки могут случиться. Тем более у тебя, человека, уже знакомого с глюками. До сих пор удивляюсь, как тебе могло показаться, что я в соседней комнате с любовником кувыркаюсь?

Маша раздраженно повела плечами.

– А еще мне показалось, – сказала она, – будто я в детство вернулась. Это было очень странно: с одной стороны, все выглядело очень достоверно, с другой – я отдавала себе отчет, что сплю.

– Разве такое возможно? – удивилась Сима. – Спать – и знать, что ты спишь?

Маша предпочла оставить этот вопрос без ответа, отвернулась и едва слышно сказала:

– Мне снилась женщина с черными волосами. И это было не первое сновидение, в котором она ко мне приходила. Такое случалось и ранее, до того, как я заболела. Она обнимала меня. И руки ее были такими теплыми, нежными. Любящими... – Маша мечтательно прикрыла глаза. – Сима, а вдруг это была моя мама?

– Твоя мама – Валентина Борисовна! Другой у тебя нет и быть не может.

– Я знаю, кто моя мама, – вздохнула Маша и вышла из кухни. – Но ты поняла, что я имела в виду.

– Эй, ты куда?! – Сима пошла за подругой.

– Сейчас вернусь! Мне уже и в туалет нельзя спокойно сходить? Надо спрашивать у тебя разрешение?

– Иди! – усмехнулась Сима, открыв дверь в туалет и взмахнув рукой, приглашая Машу войти туда. – Но я беспокоюсь. Ты все еще больна... Всякое может случиться, вот я и спрашиваю.

Она оперлась спиной о стену, ожидая, когда Маша выйдет, но та медлила, и Сима заволновалась. Вскоре послышался шум спускаемой воды, и она с облегчением вздохнула, увидев подругу на пороге.

– Ариффулина, мне нужна помощь, – сказала Маша, обняв Симу за шею и притянув ее к себе. – Пожалуйста, не отказывай мне.

– Пока ты сидела на унитазе, тебя посетила гениальная идея? – спросила Сима.

– Достань медицинские карточки моих родителей.

– С ума сошла! – воскликнула Сима, вырвавшись из цепких рук подруги. – Это же уголовное дело!

– Хватит паясничать. – Маша подняла руку, жестом умоляя Симу замолчать. – Ты ведь можешь это сделать. Я знаю!

– Мне нужен номер больницы, где состоят на учете твои родители, – со вздохом произнесла Сима. – Или они к частникам обращаются?

– Ариффулина, они же в твоей больнице состоят на учете! Забыла?

Сима что-то невнятно пробормотала.

– Спасибо, – Маша похлопала подругу по плечу.

– Во-первых, я еще ничего не сделала, – вдруг озлобилась Сима. – А во-вторых, тебе нужно думать о своем здоровье – вместо того чтобы выяснять степень родства с людьми, которые тебя обожают!

Маша подошла к столу, взяла бутылку вина и отпила глоток из горлышка.

– Завтра я съезжу к родителям, – сказала она.

– И силой выбьешь из них тайну твоего рождения?!

– Что ты! Я не стану этого делать, потому что люблю их, как и они меня. Но я заслуживаю того, чтобы знать правду. Конечно, если она существует и если я не придумала сгоряча эту мелодраматическую историю о моем удочерении.

– Последнее кажется мне наиболее вероятным, – быстро выговорила Сима, но отчего-то сама не поверила в свои слова.

Глава 3

Утром Маша проснулась с твердым намерением поговорить с родителями, но так и не смогла заставить себя выйти из квартиры. Вместо этого она долго ходила по комнатам, обдумывая предстоящий разговор. Дважды заваривала чай, даже подумала о выпивке, чтобы с помощью нескольких глотков вина набраться смелости, но, посмотрев на тумбочку, где лежали лекарства и инструкция Сима, отказалась от этой мысли. Сейчас ей, как никогда, требовалось пребывать в трезвом состоянии, так как во хмелю можно совершить такие поступки или произнести такие слова, о которых будешь потом жалеть всю жизнь. Кроме того, Маша не знала, что именно сказать родителям. Ее догадки ничем не подтверждались, а предоставить любящим ее людям скудные сведения, добытые из Интернета, и увидеть в их глазах грусть и непонимание ей не хотелось.

После полудня позвонила Сима и попросила Машу приехать в клинику.

– Я встречу тебя у входа, – сказала она.

Менее чем через час Маша увидела ее худенькую фигуру. Сима стояла возле огромной колонны и нетерпеливо постукивала туфлей по ступеньке.

– Ты приехала быстро. Молодец!

– Сима, все в порядке? – внезапно напряглась Маша, почувствовав нервозность в поведении подруги.

Она смотрела на ее белый халат и злилась, но не могла понять причины своей враждебности. Маше вдруг захотелось плакать, однако она сдерживалась из последних сил, зная, что Сима не обрадуется подобной слабости.

– Выпьем кофе? – спросила она, глядя в сосредоточенно-серьезное лицо подруги.

– Идем в кафетерий, – кивнула Сима, указав рукой на вход.

Маша с удивлением оглядывалась по сторонам. Вокруг сновало слишком много людей, и от этого она чувствовала себя неуютно. В коридорах больницы было шумно, а в кафетерии, куда ее привела Сима, и вовсе стоял гул голосов, будто люди находились на каком-то светском мероприятии, где всем позволено громко говорить и смеяться.

– Здесь всегда так? – спросила Маша, присаживаясь за столик.

– Да, – кивнула Сима. – Мы же находимся в клинике областного значения. Сотни людей, сотни страхов, болезней... В общем, тишины тут не бывает никогда, все успокаивают себя разговорами и шутками. Но мне здесь нравится. Единственный минус – в кафетерии нет официантов. Приходится самому себя обслуживать. Ладно, подожди, я кофе принесу. Может, желаешь перекусить?

– Нет аппетита, – сказала Маша и усмехнулась, глядя, как в глазах у Симы появилось беспокойство. – Что ты застыла?! Иди за кофе.

Она проследила взглядом за удалявшейся к стойке подругой и осмотрелась. Без особого интереса наблюдая за лицами окружавших ее людей, Маша думала о предстоящем разговоре с родителями и о том, что скажет Сима, явно нашедшая какую-то информацию о... о ее маме и папе... В том, что у Арифулиной имеются важные сведения, Маша не сомневалась. За долгие годы дружбы она хорошо изучила подругу и теперь, видя ее скованность и желание отсрочить разговор, могла точно сказать, что Сима обнаружила нечто значительное, о чем не решалась заговорить вслух.

– Кофе здесь хороший, – сказала Сима, поставив перед Машей пластиковый стаканчик. – Не смущайся вида этой посуды, на вкус он потрясающий. От чашек тут давно отказались, используют пластик, потому что он не бьется. Здесь все из этого материала...

– Не забалтывай меня, – резко произнесла Маша, поднося стаканчик к губам.

Сима, понимая, что тянуть дальше невозможно, достала из кармана халата листки бумаги, сложенные вдвое, и протянула их Маше.

– Это копии, – сказала она. – Как ты понимаешь, оригинал мне не позволили взять.

– И что здесь?

– Сама читай! – вспылила Сима и, облокотившись о стол, обхватила голову руками. – Ты была права. У тебя с твоими... родителями... разная кровь.

– Я об этом уже вчера узнала.

– Я имею в виду, что Калинины тебе – не родные.

– Здесь так и написано? – с насмешкой произнесла Маша.

– Иди ты в задницу! – беззлобно ответила Сима. – Не понимаю, каких слов ты ждешь от меня?

– Извини. Я все еще рассчитывала на ошибку.

– Заведующий отделением, Михаил Валерьевич, достал эти бумаги. Правда, орал он так, будто я его ножом режу, и грозил уволить меня, если вдруг всплывет, что он нам помог. В общем, здесь выписка из карточки твоей мамы... то есть Валентины Борисовны, – поправилась Сима.

– Ты правильно сказала. Она была и останется мне мамой – вне зависимости от того, течет ли в нас одинаковая кровь или нет.

– Слава богу! – воскликнула Сима и радостно улыбнулась, но тут же поникла. – Машка, мне искренне жаль, что все раскрылось при таких грустных обстоятельствах. Если бы ты не заболела, и я не потащила бы тебя в клинику, и...

– Меня до конца жизни водили бы за нос. Не жалею. Все идет по плану!

– Какому плану? – насторожилась Сима.

– Божественному, – рассмеялась Маша, но смех ее был горьким. – Говори, что ты еще узнала. Я, конечно, и сама могу это прочитать, но, боюсь, увижу столько незнакомых слов, что ничего не пойму.

Сима взяла листочки в руки и быстро пробежала глазами по строкам.

– Валентина Борисовна никогда не рожала, – сказала она. – В двадцать лет ей поставили диагноз: гипоплазия матки. – Сима замолчала, подыскивая нужные слова, причем такие, которые были бы понятны Маше, человеку, далекому от медицины. – Проще говоря, недоразвитие. Слово, конечно, некрасивое, но другого я не могу вспомнить. Валентина Борисовна много лет лечилась, пытаясь восстановить матку в ее естественных размерах. В какой-то момент ей это удалось, но две последующие внематочные беременности поставили крест на ее возможностях родить ребенка. Без фаллопиевых труб, как ты понимаешь, яйцеклетка не может спуститься в матку, поэтому помочь ей могло только ЭКО.

– Искусственное оплодотворение?

– Правильно. Но в те годы в России об ЭКО мало что было известно, лишь в узком кругу специалистов, работавших в области гинекологии.

– Оставался единственный способ – удочерение, – закончила Маша.

– Думаю, лучше тебе поговорить об этом с... родителями.

– Да, – согласилась Маша и поднялась.

– Обещай мне не ломать дров!

– Обещаю, – усмехнулась Маша. – Тем более что дровосек из меня неважный.

– Уже придумала, как начнешь разговор?

– Даже не представляю. – Маша взяла бумаги, принесенные Симой. – Но тянуть с беседой я не стану, иначе умру от неизвестности.

– Что ты хочешь узнать? Кто твои настоящие родители?

– И это тоже.

– Если тебя удочерили чужие люди, значит, родным ты была не нужна! – вскричала Сима, приложив руки к груди. – Машка, неужели ты хочешь найти тех, кто от тебя отказался?!

* * *

– Признаюсь, дочь, ты разочаровала меня своим нежеланием отмечать день рождения, – сказал Сергей Борисович, целуя Машу.

– Не беда. Переживешь, – улыбнулась мужу Валентина Борисовна, убирая тарелки со стола.

– Я помогу, – сказала Маша.

– Не стоит, родная, – остановила ее мама. – Мне несложно. Лучше идите с отцом в гостиную, а я принесу чай. И конфеты.

– Как же без конфет! – Отец заговорщически подмигнул дочери и увлек ее в соседнюю комнату. – Пусть мать себе суетится, а мы поговорим.

– О чем, папочка?

– О тебе, естественно. Кроме тебя, в этой жизни меня ничто не интересует.

– Не утрируй, – Маша обняла отца за плечи. – А как же мама? Работа?

– Ты – самое важное.

Маша еле слышно вздохнула и прошлась по комнате. Она рассматривала семейные фотографии, делая вид, что увлечена этим процессом, но на самом деле раздумывала, с чего начать интересующий ее разговор. Взяв в руки один из снимков, Маша улыбнулась. На фото ей было чуть больше пяти лет, сделал его отец во дворе, где была квартира родителей. Маша сидела посреди цветочной клумбы и смеялась. Во рту у нее отсутствовало несколько зубов, выглядела она комично, но явно была счастлива. Маша обернулась и задумчиво, словно впервые оказалась здесь, осмотрела комнату. В этой квартире прошли ее детство и юность. Это были хорошие годы, порою радостные, порою – наполненные слезами и подростковыми проблемами, о которых уже давно забыла, но здесь Маша всегда чувствовала себя под защитой. Впрочем, так и должен ощущать себя ребенок в доме, где много тепла и взаимного внимания друг к другу.

Родители отказались переезжать из этого района в более престижный даже после того, как Машин отец стал владельцем небольшой стоматологической клиники и дела его стремительно пошли в гору. Можно было продать эту «трешку» и купить дорогие изысканные апартаменты, но они решили, что не станут менять образ жизни, который им очень нравился. Тихие ужины в небольшой уютной кухне, чтение книг при мягком свете ламп в гостиной, совместный просмотр фильмов, когда члены семьи сидят, укутанные теплыми пледами, рядышком, – так проходили вечера в дома Калининых. Мама не захотела менять «счастливые стены» – помнится, именно так она выразилась, – на новую территорию, которую пришлось бы заново наполнять приятными воспоминаниями и положительными эмоциями. Трех комнат было всем вполне достаточно, и вопрос о переезде больше не обсуждался, в особенности после того, как Маша решила стать самостоятельной, сняв вместе с Симой Арифудиной квартиру.

Поставив фотографию обратно на полку, Маша повернулась к отцу. Он сидел на диване и с улыбкой наблюдал за суетившейся дочерью. Сергей Борисович видел, что Машу нечто гложет, но не пытался вызвать ее на разговор, и все же он беспокоился: уж очень взволнованной выглядела его девочка. Усталость проявлялась в виде темных кругов под ее глазами, на щеках дочери горел лихорадочный румянец, Маша казалась нездоровой на вид, но ее взгляд был полон спокойствия и решимости. Сергей Борисович впервые видел дочь настолько сосредоточившуюся. Сейчас он, как никогда ранее, осознал, что его любимая малышка уже давно выросла.

Перед ним стояла красивая молодая женщина, родная и в то же время очень далекая. Длинные светлые волосы аккуратно лежали на ее плечах, безупречную фигуру обтягивало изящное платье. На запястье – браслет, подаренный им Маше в честь ее двадцатилетия. Но

главным было ее лицо: с пронзительными черными глазами, белой кожей и яркими губами. Необычайно красивое лицо, дышащее тайной, заставляющее всматриваться в него и не позволявшее оторвать от него взгляд.

– Папа, мне часто снится один сон, – вдруг сказала Маша, остановившись напротив отца, – будто какая-то черноволосая женщина заплетает мне косы. А потом я бегу к мальчику, подростку, он поднимает меня на руки и кружит... Мне становится так хорошо, что просыпаться не хочется.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала...

Сергей Борисович быстро поднялся с дивана и тревожно посмотрел в сторону кухни, где его жена занималась приготовлением чая, мечтая, чтобы она скорее появилась в комнате. Валентина уж точно найдет, что ответить Маше, в отличие от него, растерявшегося от подобных слов, но еще больше – испугавшегося.

– Я не думаю, что это – просто сон, – медленно вымолвила Маша. – Мне кажется, что это – воспоминания. Только я не могу понять, каким образом они связаны со мной? Я помню голубое платье, которое было тогда на мне, помню смех этой женщины и ее темные глаза. Она целовала меня. А тот парень, он...

– Ты была еще слишком мала, чтобы все это помнить, – произнес Сергей Борисович – и оторопел от сорвавшейся с его губ фразы.

Маша прикрыла глаза и вдруг улыбнулась:

– Существует теория, что люди не помнят свое раннее детство. Все, что происходило с ними до пяти лет, покрыто туманом и так глубоко спрятано в подсознании, что до него невозможно добраться. Лишь наиболее яркие образы остаются в памяти – в виде картинок, которые впоследствии переплетаются с новыми впечатлениями, и уже невозможно понять – истина это или фантазия?.. Что ты имел в виду, отец, упомянув о моем юном возрасте?

– Доченька, ты неправильно поняла, – начал было оправдываться отец, и нижняя губа его задрожала, как это бывало, когда он считал себя виноватым и просил прощения.

– Сколько мне было лет, когда вы с мамой меня удочерили? Четыре? Или это случилось раньше?

Маша решила не юлить, понимая, что прямота – наиболее действенный способ узнать правду. Хитростью она вряд ли чего-либо добилась бы, на отца подобные методы не действовали. Зато искренняя простота и честность помогут ей узнать настоящую историю ее жизни.

За своей спиной Сергей Борисович услышал тихий плач и обернулся, с болью посмотрев на жену, услышавшую вопрос Маши.

– Мама, прекрати, – сказала Маша, быстро подошла к рыдавшей женщине и любовно провела ладонью по ее щеке. – Я завела этот разговор не для того, чтобы упрекать вас или, еще хуже, ссориться. Просто мне необходимо знать правду! Так будет честно – по отношению ко всем нам.

– Нужно было рассказать тебе раньше, – сказал Сергей Борисович, крепко сжав Машину руку. – Мы хотели, поверь, но боялись.

– Чего?! Что я уйду от вас, моих самых любимых и близких людей? К тем, кто меня оставил?

– Мы боялись, что ты уйдешь к нему, – вымолвила Валентина Борисовна, обхватила Машину лицо ладонями и принялась жарко целовать дочь.

– К кому?!

Маша вырвалась из ее объятий и отступила на несколько шагов, не позволяя матери приблизиться к себе. В ожидании ее ответа она ощутила, как страх медленно охватывает ее душу. У девушки появилось ощущение, словно ее жестоко обидели, а она не может простить своих обидчиков, оттого и мучается.

– Кто это – «тот», к кому я захотела бы уйти? – Маша повысила голос и пристально, не отводя взгляда, всмотрелась в лица обоих родителей, требуя, чтобы они немедленно рассказали все, что утаивали от нее на протяжении многих лет.

В комнате воцарилось молчание, прерываемое короткими всхлипами, вырывавшимися из груди Валентины Борисовны. Она упала на диван и уткнулась лицом в подушку, плечи ее дрожали, и это вызвало у Маши раздражение. Скрестив руки на груди, она гневно отвернулась, предпочитая не смотреть на маму, выглядевшую такой жалкой и беззащитной.

– Все не так просто, солнышко, – сказал отец, подойдя к шкафчику, где хранился алкоголь. – Пожалуй, я выпью. Валя, тебе налить? – обратился он к жене.

– Нет, – ответила та, не поднимая головы от подушки.

– Мне налей, – сказала Маша и улыбнулась, потому что это был первый случай, когда она попросила у отца выпивку. – Покрепче.

Сергей Борисович разлил коньяк по бокалам, один протянул дочери, быстро осушил свой и вновь наполнил его. Маша принялась, слегка пригубила коньяк и поставила бокал на журнальный столик, больше не притронувшись к напитку, который она не оценила по достоинству.

– К своему брату, – сказал Сергей Борисович и присел рядом с женой, ободряюще похлопав ее по коленке.

– Что? – не поняла Маша.

– Мы боялись, что тебя заберет твой брат, – пояснила Валентина Борисовна.

– У меня есть брат?! – Услышав это, Маша до крови прикусила нижнюю губу. – И вы ничего мне о нем не рассказывали, потому что боялись, что я выберу его? Вам было страшно, что он заберет меня? Но как меня можно забрать? Я ведь не игрушка! Не вещь!

– Успокойся, солнышко, – попросил отец, с грустью глядя на дочь. – Мы допустили ошибку. Нам нет оправданий, но я прошу тебя: выслушай меня без истерики. И не обвиняй нас с матерью раньше времени. Потом, если ты вдруг решишь, что мы не заслуживаем прощения, можешь встать и уйти. Но не сейчас.

Сергей Борисович налил себе изрядную порцию коньяка, словно тот должен был помочь ему найти нужные слова. Глядя на эти муки, которые испытывали ее родители, Маше стало стыдно за свое резкое поведение. Она подошла к дивану и присела. Положила голову маме на колени и прошептала:

– Я люблю вас, знайте это! А сейчас, папа, – говори.

– Может, ты расскажешь, как узнала о том...

– Что в нас течет разная кровь? – подсказала ему Маша, подняла голову и увидела, что отец замялся, не будучи в силах произнести фразу, что они с мамой ей – не родные. – Лучше ты начни свой рассказ, а потом я объясню, каким образом догадалась.

– Мы с мамой родом из Калининграда, – начал отец, нервно усмехнувшись. – Калинины из Калининграда... смешно звучит, не так ли?

– Смешно, – улыбнулась Маша.

– И жили мы в одном дворе с женщиной с нелегкой судьбой. Она дважды была замужем. От первого брака у нее рос сын-подросток. От второго – маленькая девочка. Красавица, с черными глазами и неправдоподобно белыми волосами...

– Это была я? – спросила Маша.

– Ты, – кивнул отец. – Надя – так звали твою маму – была очень доброй, но несчастной. Когда тебе исполнилось три года, она заболела.

– У нее был рак?

– С чего ты взяла? – удивился отец и вдруг побледнел. – Да, она умерла от рака...

Маша едва сдержала рыдания, резко поднялась и прошла по комнате.

– Валя не могла иметь детей...

– Мне известен ее диагноз, – Маша вздохнула. – Гипоплазия матки.

– Ты хорошо подготовилась, – сморщилась Валентина Борисовна и прижала руки к груди. – Всем сердцем я хотела ребенка, мечтала только о нем, но все мои попытки забеременеть были безуспешными. А потом Надя умерла и...

– Но как вам разрешили усыновить только меня одну? – перебила Маша. – Мне казалось, родных братьев и сестер не разлучают.

– Так и есть. Мы хотели забрать вас обоих, – сказал Сергей Борисович. – Тебя и твоего брата.

– Как его зовут? – вырвалось у Маши.

– Макс, – ответила Валентина Борисовна и, забрав у мужа из рук бокал, отпила большой глоток. – Его зовут Максим. Хороший мальчик. – Она остановила взгляд на противоположной стене, словно вернулась в те дни, когда они с мужем жили в Калининграде, и глаза ее увлажнились. – Спокойный, рассудительный.

– Как получилось, что вы забрали лишь меня? – в голосе Маши прозвучала обида. – Без брата!

– Оказалось, что у Максима есть бабушка, – пояснил отец. – Мать его отца. После смерти Нади она решила воспитывать внука, о тебе же и слышать не пожелала. Странная женщина...

– Папа, я не понимаю! Объясни – как родная бабушка могла от меня отказаться?

Сергей Борисович поднялся с дивана, обнял дочь, прижал ее к груди.

– Первый муж Нади, отец Максима, умер... не знаю, как это случилось, одно известно – он погиб молодым... и Надя вступила в другой брак, вернее, это не был официальный брак, а просто... отношения, но они оказались недолгими. Когда родилась ты, этот мужчина ушел от Нади. Ей пришлось несладко, она воспитывала одна двоих детей, и все же она была хорошей матерью. После ее смерти старуха, свекровь Нади, сказала, что ты ей чужая, и вознамерилась отдать тебя в интернат. Мы не могли допустить подобного, как и не смогли уговорить ее отдать нам Максима. Уперлась ведьма, кричала, что ни за что не расстанется с единственным внуком.

– И вы нас разлучили. – Маша убрала руку отца со своего плеча и отошла в сторону.

– В тот момент мы посчитали, что так будет лучше для всех, – ответил отец и, вновь присев на диван, внимательно оглядел дочь. – Это решение далось нам тяжело, однако другого выхода не было. Мы не могли допустить, чтобы ты воспитывалась в интернате.

– На сколько лет он старше меня?

– На девять лет.

– То есть он был совсем взрослым и мог бы обо мне позаботиться!

– Маша, не говори глупости, – Сергей Борисович повысил голос. – Как о четырехлетней девочке мог бы позаботиться тринадцатилетний подросток?! Что он мог решить или сделать? Ничего! Он лишь подчинился обстоятельствам, как и мы. И, поверь, это было самым мудрым решением.

– А почему вы уехали из Калининграда? Почему никогда не говорили мне о том, что у меня есть брат? Где он сейчас?! – Маша уже почти кричала, потом присела на корточки, прижавшись спиной к стене, и, обхватив голову руками, со злостью расплакалась. – Вы бежали! Хотели, чтобы я принадлежала только вам! Вы украли мое прошлое, обманули меня! Но зачем?! Я любила бы вас еще больше, зная правду!

– А сейчас ты нас ненавидишь? – глухо спросила Валентина Борисовна. – Именно этого мы и боялись. Сначала тянули, страшась рассказать тебе о Максиме, потом поняли, что упустили слишком много времени. Я плохо помню те дни... Все как в тумане, уж слишком много проблем возникло в связи с твоим удочерением. В какой-то момент мне даже показалось, что все сорвется, но, к счастью, вскоре бумаги были оформлены. Потом нам удалось быстро совершить обмен квартир, конечно, пришлось доплатить... Впрочем, это уже неважно. Сергею неожиданно предложили работу в Петербурге, и мы ухватились за возможность начать новую жизнь в городе, где у нас не было знакомых и никто не знал о нашей тайне.

– Обо мне?

– Да. Ты и была нашей тайной, – печально улыбнулась мама. – И нашим счастьем! Но все закончилось, когда тебе исполнилось шестнадцать лет. Именно тогда мы впервые испугались, что потеряем тебя.

Маша гневно округлила глаза:

– Меня нашел мой брат?!

– Максим приехал ко мне на работу, – сказал Сергей Борисович, расстроенный реакцией дочери. – Тогда у меня еще не было своей клиники, я работал в городской стоматологической больнице. Мы встретились, и между нами состоялся сложный разговор. Я умолял его о молчании, просил об отсрочке, потому что не знал, как ты отреагируешь на ситуацию. У тебя был сложный возраст...

– Папа! Какой сложный возраст?! Я никогда не доставляла вам хлопот!

– Я знаю, солнышко. – Сергей Борисович покраснел под взглядом дочери. – Прости! Мы уговорили Максима немного подождать, и он согласился. Он не хотел, но уступил, понимая, что подобные новости могут сказаться на благополучии нашей семьи.

– Максим оставил нам большую сумму денег, – сказала Валентина Борисовна. – Мы открыли счет. Он и еще денег присылал... Ты должна знать, что это на его деньги отец построил клинику. Но не думай, что мы воспользовались тем, что принадлежит тебе!

– Плевать мне на деньги, – выдавила из себя Маша. – Где он сейчас?

Родители как-то смущенно переглянулись, и это не понравилось Маше.

– Мы не знаем, где Максим, – наконец ответил отец.

– Что значит – не знаете?! Отец!

– Когда ты училась на последнем курсе, мы решили рассказать тебе правду. Глупо было затягивать агонию, – с горечью произнес Сергей Борисович, и Маше показалось, что он постарел за время этого разговора, заметно ссутулился и поник. – Невозможно было и дальше жить с этим! Мы с матерью испытывали вину как перед тобою, так и перед Максимом, которого постоянно просили подождать. Я боялся, что ты уйдешь к нему, забудешь нас. А когда, наконец, мы назначили время встречи, чтобы оговорить, как преподнести тебе всю правду, Максим исчез. Он больше нам не звонил, не приезжал – пропал, будто его и вовсе не было.

– Когда это случилось?

– Четыре года тому назад.

– И все? – разочарованно прошептала Маша. – Больше от него не было никаких вестей?

– Год тому назад, в твой день рождения, мы получили посылку. Имя и адрес отправителя не были указаны. Просто коробка, которую принес посыльный. Вот что было в ней...

Сергей Борисович взмахнул рукой в сторону, указывая на куклу, стоявшую в углублении стены. Это было творение известных итальянских кукольных мастеров: фарфоровая красавица с белыми шелковистыми волосами, облаченная в шелк и тонкие кружева. Маша провела пальцами по изящной вышивке, всмотрелась в печальные глаза куклы и в ярости стиснула зубы.

– Какие другие подарки присылал мне мой брат? – спросила она, не оборачиваясь, не желая видеть лица людей, к которым сейчас испытывала противоречивые чувства.

Валентина Борисовна медленно перечислила все.

– То есть все те вещи, которые вы оба дарили мне, на самом деле были подарками Максима? Не вашими?

– Машенька, – нервно прошептала Валентина Борисовна, вскочила с дивана и подошла к дочери, но та выставила руки перед собой.

– Мама, не трогай меня, – едва слышно проговорила она.

– Солнышко! – заплакала Валентина Борисовна, прижимая пальцы к губам. – Прости меня, прошу!.. Это я уговаривала Максима, чтобы он подождал с признанием. Не отец, а я боялась потерять тебя. Маша, я не переживу, если это случится сейчас!

– Ничто не изменило бы моего отношения к вам, – медленно проговорила Маша. – Но ваша ложь... Мне обидно, и я не понимаю, почему вы так поступили!

Она направилась к двери, но остановилась и вновь посмотрела на куклу.

– Как звучит моя настоящая фамилия? – спросила она.

– Ярова, – ответил Сергей Борисович.

– А фамилия Максима? Ты сказал, что у нас были разные отцы, значит, фамилия у него другая.

– Да, – кивнул Сергей Борисович. – У отца Максима были немецкие корни, оттого и фамилия необычная. Его зовут Максим Ларк.

Маша помедлила еще секунду и поинтересовалась:

– Бабка его еще жива?

– Умерла, когда Максиму исполнилось семнадцать.

– И где же он был все это время? – Губы Маши задрожали.

– Не знаю, дорогая, – сказал Сергей Борисович, медленно подходя к дочери. – Максим ничего не рассказывал нам о себе.

– Назови адрес, по которому он проживал в Калининграде.

– Для чего? – Сергей Борисович осторожно провел ладонью по плечу Маши.

– Я собираюсь отыскать его.

– Но как? И зачем?

– Он – мой брат! – воскликнула Маша. – Разве ты не понимаешь?! Он не забыл обо мне, – быстро проговорила она. – Всегда хотел, чтобы я была в его жизни, но вы не позволили! Я хочу найти его.

– Как? – повторил свой вопрос Сергей Борисович. – Как ты найдешь человека, имея на руках лишь адрес, по которому он давно не живет?

– Тебя это не должно волновать, – грубо ответила Маша. – Скажи мне адрес, больше я тебя ни о чем не прошу.

Сергей Борисович назвал улицу, номер дома и квартиры. Маша повторила эти сведения про себя несколько раз и бросилась к двери.

– Дочь, остановись! – слышалось за ее спиной, и она нехотя подчинилась. – Не уходи! Давай поговорим...

– Мы уже больше двух часов разговариваем, – отозвалась она, чувствуя, как ноги ее становятся ватными.

– Кто тебе рассказал?

– Папа, тебя только это беспокоит? – Маша повернулась к Сергею Борисовичу и тоскливо посмотрела на его невысокую, слегка полноватую фигуру. – Никто, поверь мне. Я сама догадалась, когда узнала, что у нас разные группы крови.

Он с недоумением развел руки в стороны:

– Группы крови? Все... так просто?

– Нет, отец, все очень сложно, – ответила Маша.

Она приготовила для них злобные, ядовитые слова, чтобы они как можно глубже пронзили сердца отца и матери, но не сумела произнести ни звука. Просто стояла и смотрела на человека, которого обожала, на слезы в его глазах, на подрагивавшие уголки его губ, учащенно вздымавшуюся грудь и на руки, беспомощно сжатые в кулаки. Отец и без того выглядел сломленным. Было видно, что он страдает, и Маша не смогла причинить ему еще большую боль. Но в ту минуту ей страстно хотелось умереть – оттого, что она проявила жесткость по отношению к людям, подарившим ей столько любви и счастья.

Быстро подойдя к отцу, она остановилась в нескольких сантиметрах от него.

– Папа, – тихо сказала она, – я тебя очень люблю! Просто мне сейчас плохо. Невыносимо плохо!

– Мне жаль, дочь. Не так, не таким образом мы с матерью хотели сказать тебе правду. Прости нас за это! А сейчас иди, я вижу, ты не в силах остаться. Поговорим позже, когда страсти немного улягутся.

Сергей Борисович поцеловал дочь в висок и подтолкнул ее к выходу. Когда за Марией захлопнулась дверь, он вернулся в гостиную, где Валентина Борисовна тихо плакала, уткнувшись лицом в подушку. Услышав его шаги, она подняла голову и посмотрела на мужа красными от слез глазами.

– Сережа, она вернется? – всхлипнула она. – Скажи, что наша дочь вернется, прошу тебя.

Глава 4

По дороге домой Маша зашла в магазин и купила все, в чем раньше себе отказывала. Шоколад – много шоколада, – пирожные с густым сливочным кремом, вино, к нему взяла сыр и сладкий виноград. Обрадованная праздником, который она намеревалась для себя устроить, она остановилась у цветочного магазина, долго разглядывала яркую витрину и, не удержавшись, подарила себе большой букет роз. С огромным пакетом, с красными цветами в руках она шла по улице, производя на прохожих впечатление счастливой молодой женщины. Улыбка играла на ее губах, глаза блестели. Вряд ли кто-либо догадался бы о той трагедии, которая разыгрывалась в душе у Маши.

Дома она поставила цветы в вазу и долго рассматривала нежные лепестки, благоговейно проводя по ним пальцами, внюхивалась в нераскрывшиеся бутоны, которые, к сожалению, ничем не пахли. Потом съела полплитки шоколада, открыла бутылку с вином и быстро захмелела, выпив полный бокал. Присев на диван, Маша попыталась собраться с мыслями. Перед глазами у нее все плыло, танцевало, и она не могла понять – то ли вино виновато в этом, то ли осадок вины, оставшийся на душе после разговора с родителями? Через несколько минут головокружение прекратилось, и Маша почувствовала себя нормально. Она улыбнулась главной сегодняшней новости – тому, что у нее есть брат, но тут же нахмурилась, не предполагая, как она его отыщет. Первая идея, пришедшая ей в голову, показалась Марии стоящей. Через мгновение девушка сидела у компьютера и писала в строке поисковика: «Как найти человека».

– Ого! – воскликнула она, увидев более десяти миллионов выданных ей результатов, и потеряла ладони. – Начнем!

Через несколько часов, потраченных впустую, ее энтузиазм начал угасать. Размяв пальцами онемевшие плечи, Маша посмотрела на часы. Стрелки показывали одиннадцать, и она вспомнила о Симе: подруга заметно задерживалась. Словно отвечая ее мыслям, послышался звук вставленного в замок ключа, и в квартиру вошла Ариффулина. Не включая света, она раздевалась в темной прихожей, нечто неразборчиво приговаривая, потом раздался шум, будто кто-то упал, и смех.

– Сима, что ты делаешь? – выкрикнула Маша, не отвлекаясь от чтения статьи на экране.

– Лежу на полу.

– Пьяная?

– Уставшая.

Ариффулина появилась на пороге, держа в одной руке сапог, в другой – каблук.

– О порог споткнулась, – объяснила она свое падение. – Придется завтра в мастерскую сапоги отнести. А ты чем занимаешься? – Сима, нахмурившись, посмотрела на пустой бокал, стоявший на столе рядом с полупустой бутылкой вина. – Пьешь?!

– Прости, я забыла спросить у тебя разрешения.

– С ума ты сошла?

– Ариффулина, прекрати визжать! Бокал беленького мне не повредит.

– Совсем с катушек слетела. – Сима встряхнула Машу за плечи. – Тебе противопоказан алкоголь! Потом, когда ты окончательно выздоровеешь, будешь пить, сколько угодно, но сейчас – нельзя.

– Потом? – усмехнулась Маша, поднялась с кресла и пересела на диван. – Мне надоело слышать это слово. Я всегда жила только будущим и прошлым, забывая о настоящем! Отныне в моей жизни нет слова «потом», есть только «сейчас». Ой, молчи! Знаю я, что ты хочешь сказать. Просто у меня нет настроения слушать нотации. Лучше возьми бокал для себя и составь мне компанию.

Сима послушно выполнила ее просьбу.

– Как прошел разговор с родителями? – спросила она, положив в рот кусочек сыра. – Вижу, что не слишком хорошо, раз ты устроила «хмельной вечер».

Маша в подробностях описала их встречу. Выговорившись, она с легкой усмешкой посмотрела в озадаченное лицо Симы. Подруга нервно облизала губы, подскочила к сумочке и достала сигареты. Сокрушенно покачала головой, бросив на Машу жалобно-умоляющий взгляд.

– Кури, – разрешила ей Маша.

– Я в кухне, – обрадовалась Сима, – в форточку.

– Наркоманка! – прокричала ей вслед Маша и укрылась одеялом, внезапно почувствовав озноб.

Сима быстро вернулась, принесла за собой запах дыма.

– Пардон, – виновато замахала она перед собой руками. – Больше при тебе не стану курить. Знаю, что ты терпеть этого не можешь.

– Я и сама бы сейчас затянулась, – задумчиво произнесла Маша. – Никогда не пробовала.

– Ну уж нет! Все, что угодно, только не сигареты. И вообще, Калинина, ты меня раздражаешь своим поведением! Вино пьешь, шоколад уплетаешь... Тебе осталось только научиться дым кольцами пускать.

– Не беспокойся, курить я не стану. Противно!

– Вот и прекрасно. Лучше расскажи, что ты в Интернете искала. Вижу, поиски были активными, – присвистнула Сима, посмотрев на количество открытых ссылок.

– Ровным счетом ничего. – Маша отбросила одеяло в сторону и подошла к компьютеру. – Пыталась отыскать Максима в социальных сетях. Пусто. Вышла на сайт каких-то сыщиков, они могут взяться за его поиски.

– За деньги?

– Нет, за большое спасибо. Естественно, не просто так! Ты знала, что в Питере есть Бюро регистрации несчастных случаев? – спросила Маша. – Туда приходит информация из ОВД, моргов, больниц...

– И чем тебе там могут помочь? Твой брат не живет в Питере. Или я ошибаюсь?

– В том-то и дело, – вздохнула Маша, – я не знаю, где он живет. Может, мне в ОВД обратиться?

– Сделай это прямо сейчас, – с иронией посоветовала Сима. – Впрочем, вдруг он – уголовник? – предположила она и смутилась. – Прости, я глупость сказала.

Маша разлила остатки вина и протянула бокал Симе.

– Все возможно, – сказала она. – Никто не знает, чем он занимается и откуда у него столько денег.

– Какие еще деньги?

– Те, на которые отец построил клинику. Они были предназначены для меня, но папа воспользовался ими в личных целях. Конечно, я понимаю, что он для нас с мамой старался, ни в чем нам не отказывал, а мне – в первую очередь.

– Злишься на него?

– Из-за денег? – Маша приподняла бровь, показывая, насколько нелепым считает этот вопрос. – Разумеется, нет.

– Но ты обижена, – сказала Сима.

– А как еще мне себя вести?! Радоваться? Испытывать к ним благодарность за то, что они мне наконец рассказали всю правду? Я чувствую раздражение, досаду, потому что меня обманывали на протяжении многих лет. Причем не только родители, но и брат.

– Он-то в чем виноват? – хмыкнула Сима.

– В том, что не осмелился поговорить со мною сразу же после того, как нашел. – Маша порывисто повела плечами и вдруг улыбнулась: – Получается, все виноваты, одна лишь я

пострадала. А может, я в чем-то провинилась? Уже даже и не знаю, что предположить. Но это факт! Жизненные события явно говорят о том, что я где-то наследила в прошлых жизнях.

– Нет! Ты ни в чем не виновата! – с жаром воскликнула Сима, по щекам ее побежали слезы, и она ошеломленно уставилась на Машу. – Не понимаю, что со мной происходит! Прости.

– Ты уже раз двадцать за вечер просила у меня прощения. Больше не извиняйся. Да, забыла сказать. Завтра я вылетаю в Калининград.

Сима дернулась от неожиданности:

– Сумасшедшая!

– И это я уже слышала сегодня. Не обсуждается, – отрезала Маша.

– Не стоит никуда лететь. Сейчас ты должна как можно меньше двигаться.

– Отчего же?

– Не трать силы, – настаивала Сима. – Тебе нужен покой. Эмоции могут лишь навредить тебе. И перелеты в твоем состоянии крайне опасны.

– Ариффулина, я не болею, а выздоравливаю. Завтра мне станет еще лучше.

– Но это не значит, что ты должна сломя голову метаться по стране в поисках того, кого невозможно найти!

– Все возможно, – упрямо ответила Маша. – Кроме того, я не собираюсь задерживаться в Калининграде надолго.

– Думаешь, Максим все еще живет там? – уже более спокойно спросила Сима, смирившись с тем, что она не в состоянии уговорить Машу изменить ее решение.

– Вряд ли. В телефонном справочнике Калининграда нет людей по фамилии Ларк.

– Тогда зачем туда лететь?

– Хочу найти дом, в котором он жил со своей бабушкой, – ответила Маша. – Отыщу людей, которые его знали.

– Машка, для чего?

– Издеваешься?! Сима, если бы ты узнала, что тебя удочерили, ко всему прочему у тебя есть старший брат, о котором ты ничего не знаешь, – как бы ты себя повела? Что бы ты делала, если бы тебе стало известно, что брат любит тебя? Или любил. Ты не понимаешь, какой огонь жжет меня изнутри! Мне хочется найти Максима – любыми способами! Я готова землю перевернуть, только бы взглянуть на него! Знаешь, я ведь помню, как он обнимал меня, маленькую, и согласна многое отдать, лишь бы еще раз вернуться в то время.

Сима замерла на месте, вслушиваясь в голос подруги. В Машиных интонациях было столько нежности и тоски одновременно, что ей захотелось громко, в голос, зарыдать. Серафима прикрыла глаза и затрясла головой.

– Поезжай, Калинина. Тебя сейчас никто и ничто не остановит, даже бульдозер, – усмехнулась она. – Раньше ты не была такой упертой.

– Время меняет людей.

– Нет, – сказала Сима, задумавшись. – Не время, а обстоятельства меняют характер. В твоем случае изменения оказались слишком быстрыми и явными. Даже пугающими. Черт! Я тебя просто не узнаю!

– Боишься? – Маше захотелось рассмеяться, но она сдержалась. – Не стоит, я не страшная. Во всяком случае, не сейчас.

* * *

Маша долго стояла перед домом, где прошло ее раннее детство, о котором она ничего не помнила. Незнакомые окна, двор – все казалось ей чужим. Лишь вид детской площадки всколыхнул нечто смутное в ее душе, но это непонятное беспокойное чувство вскоре исчезло.

Маша медленно прошла по солнечной аллее и остановилась возле высокого куста сирени. Она вдруг вспомнила, что этот куст распускается белыми цветами, и счастливо улыбнулась. Это было первое настоящее воспоминание, и оно доставило ей массу удовольствия. Еще раз оглядевшись, Маша покинула двор и, выйдя на оживленную улицу, поймала такси, назвав адрес, куда ее следует доставить.

– Неместная? – поинтересовался водитель и, не дождавшись ответа, задал новый вопрос: – В гости приехали?

– Да, – ответила Маша, отвернувшись.

Разговаривать ей не хотелось, к счастью, водитель понял, что ему досталась немногословная пассажирка, и замолчал. Тишину в салоне нарушало радио, правда, оно работало не слишком громко и не мешало Маше думать. «Сначала, – решила она, – я найду дом, в котором жил Максим. Возможно, мне удастся поговорить с его соседями. Хотя чем они мне помогут?»

– Приехали, – услышала она голос водителя и улыбнулась, вспомнив свою последнюю встречу с Андреем, который сказал это же слово, остановившись перед домом ее родителей.

– Спасибо. – Маша протянула ему купюру. – Достаточно?

– Более чем! Хорошего вам дня!

Выйдя из машины и пройдя несколько шагов, Маша остановилась. Ей вдруг стало страшно и неуютно: все вокруг выглядело каким-то мрачным и враждебным, а больше всего почему-то угнетали ее две старухи, сидевшие на скамейке у подъезда, в котором когда-то жил ее брат. Они подозрительно рассматривали молодую женщину, приближавшуюся к ним, даже разговор прекратили, настолько их заинтересовала незнакомка в ярко-красном пальто.

– Добрый день, – поздоровалась Маша.

Несмотря на дрожь в коленях, она поняла, что, если кто-то и поможет ей, то только эти старушки, которые наверняка живут здесь с момента основания города.

– Здравствуй, деточка, – откликнулась одна из бабулек и приветливо улыбнулась.

Маша мгновенно расслабилась, осознав, что напрасно она пыталась заранее увидеть в этих бабушках врагов. Теперь они выглядели добрыми, только с трудом скрываемое любопытство светилось в глазах у обеих, делая их похожими на старых ворон, проявляющих интерес к мельчайшим подробностям окрестной жизни.

– Я... – Маша замялась, не зная, как начать разговор. – Мои родственники жили в этом доме... много лет тому назад, – на ходу придумала она. – Я приехала в ваш город по работе, а заодно решила узнать о них. Может, вы мне поможете?

– А кто, девочка, твои родственники? – живо поинтересовалась одна из старушек, та, что была помоложе на вид и посимпатичнее.

– Здесь жил мой... двоюродный брат, – солгала Маша и почувствовала себя как-то неловко. – Максим Ларк.

– А-а! – воскликнула вторая бабушка и потерла лоб рукой. – Максимка! Внук Эвы! Хороший мальчишка в отличие от его бабки. Та еще стерва была, смею заметить!

– Наталья Васильевна, – возмутилась вторая старушка, в смешной темно-зеленой шляпке, лихо сидевшей на ее макушке, – что же вы так о родственнице барышни говорите!

– Хм, на правду глупо обижаться, – парировала Наталья Васильевна и постучала ладошкой по скамейке. – Присаживайтесь. Как вас зовут?

– Маша, – представилась она, устроившись рядом с бабушкой и с удовольствием отметив, что от нее пахнет духами.

Сладкий цветочный запах окружил ее. Бабка, заметив это, улыбнулась.

– Внук привез из Европы, – сказала она. – Хороший парфюм, лучше, чем тот, которым мы пользовались в молодости. Правда, Катюша?

– Да-а, – мечтательно отозвалась ее подруга, и Маша испугалась, что сейчас она услышит их общие воспоминания о послевоенной жизни – уж очень древними выглядели бабульки.

К счастью, этого не произошло. Видимо, для старушек больший интерес представляла новая знакомая, нежели набившие оскомину факты из их жизни.

– Так вы, Мария, родственница Эвы? – спросила Наталья Васильевна. – Надеюсь, далекая?

– Очень далекая, – улыбнулась Маша. – Неужели она была настолько гадкой, раз вы до сих пор вспоминаете ее плохим словом?

– Еще хуже! Стерва самого высшего разряда, – Наталья Васильевна заохала и погладила себя по колену. – Стоило завести о ней разговор, и сразу суставы разболелись! Арийка чертова, пусть ей в земле нехорошо будет.

– Успокойся, – укоризненно покачала головой подруга Натальи Васильевны. – Видите ли, милочка, они были в ссоре много лет, потому что Эва у Натальи мужа увела.

– Я его сама выгнала! – запальчиво возразила бабка.

– Выгнала, после того как Эва его увела, – усмехнулась старушка. Маша даже удивилась, с какой легкостью бабки выдают тайны своего прошлого постороннему человеку.

Впрочем, этическая сторона вопроса ее не интересовала. Маше хотелось как можно больше узнать о Максиме, но она не стала торопиться с вопросами, позволяя разговору течь так, как это было удобно старушкам.

– Эва умерла шестнадцать лет тому назад, – сказала Наталья Васильевна и причмокнула губами. – Красивая была, даже когда в гробу лежала! Не зря к ней со всего района мужики бегали. У нее лишь один недостаток был – злость. Да, красотой своей она людей привлекала, а желчностью – отталкивала. Однако Максимку она любила. Замечательный был парнишка, мягкий, как и его мать. Надеждой ее звали. Ох, Эва и ненавидела ее! Помню, она говорила, что не о такой жене мечтала для своего сына. И чем Надя ее не устраивала? Веселая, статная, но, видите ли, не светловолосая! Эва, эта курица, гордилась тем, что в ней течет кровь основателей Кенигсберга, хвасталась своей белой кожей и синими глазами. А Надька-то черная была как смоль.

– Нет, – возразила вторая старушка, которую звали Екатериной, – ты ошибаешься. Надя блондинкой была.

– Это ты путаешь, – Наталья Васильевна поскребла ногтем по скамье. – Не спорь! Я точно помню, потому что Эвка выла от злости, когда сын ее без разрешения свадьбу сыграл. В тот день у Нади волосы были украшены цветами. Белые цветы в черных локонах... Потом у них Максимка родился, и Эва слегка оттаяла. Внука сучка эта просто обожала. Наверное, никого она так не любила, как его, даже себя. А Наденьку жаль, она молодой умерла.

– Я знаю, что после смерти матери Максим переехал к бабушке, – осторожно вставила Маша.

– Он с ней до семнадцати лет прожил. Как только школу закончил, уехал, а у Эвы инсульт случился через месяц после его отъезда. На ее похоронах мы и виделись в последний раз. Я даже упустила момент, когда он квартиру продал. Теперь здесь другая старуха живет, такая же стерва, как и Эва.

– То есть вы не предполагаете, где сейчас находится Максим? – расстроено спросила Маша.

– Откуда, деточка?! – воскликнула Наталья Васильевна. – Ты бы в школу ходила, где он учился. Здесь она, рядом. Может, учителя его помнят. А там и друзей его найдешь. Они-то наверняка знают о нем хоть что-нибудь.

Маша с удивлением посмотрела на бабушку, которая менее чем за минуту выдала ей подробный план действий.

– Как же я сама не догадалась? – спросила она, поднимаясь со скамейки. – И еще один вопрос... Вы не знаете, почему Эва так не любила дочь Надежды?

Старушки непонимающе переглянулись.

– Эва никогда не упоминала при мне о том, что Надя повторно замуж вышла, да еще и ребенка родила, – сказала наконец Наталья Васильевна. – Скрытная была, мы даже толком не знаем, как отец Максима погиб. Ходили слухи, будто его, пьяного, машина переехала. А о девочке мы и не слышали. Постой, дорогая, уж не ты ли – эта девочка?

– Нет, не я, – быстро ответила Маша. – Спасибо за помощь.

– Пожалуйста, – кивнула Наталья Васильевна и, быстро потеряв к ней интерес, повернулась к подруге: – Помнишь, Катя, как Эвка своего немца закадрила? Того, от которого сына родила. А он на ней не женился, оставил, брюхатую, и укатил в неизвестном направлении.

– Ты, Наташа, опять все путаешь. Эва за ним замужем была – официально.

– Как и ты за своим последним, – хохотнула бойкая бабулька. – С каких это пор сожителей мужьями называют?!

Продолжения их разговора Маша уже не слышала. Она двинулась по направлению к школе. В душе она удивлялась тому, что жизнь – при необходимости – сталкивает все же человека с нужными людьми. Еще час назад она не знала, куда ей идти и кого спрашивать, а сейчас все изменилось. Оставалось надеяться, что последующие события сложатся благоприятно и дадут нужный ей результат.

На ступеньках школы Маша немного задержалась, переводя дыхание после быстрой ходьбы, и, волнуясь, вошла внутрь. Из-за шума и топота, сотрясавшего коридор, она на мгновение растерялась и невольно усмехнулась, подумав о своих школьных годах. Они быстро промелькнули перед ее глазами, но Маша отогнала прочь эти воспоминания, размышляя, к кому ей стоит обратиться.

– Где кабинет директора? – схватила она за руку высокого худого подростка, пролетевшего мимо нее и едва не сбившего девушку с ног.

– Я ничего не сделал! – начал вырываться тот.

– Успокойся. Нужен ты мне!

– Тогда ладно. – Мальчишка расплылся в улыбке. – На втором этаже. Только дерик укатил куда-то, еще на прошлой перемене.

– А секретарь на месте?

– Я-то откуда знаю?! На месте, – вдруг добавил он и впился взглядом в стройные ноги молодой женщины. – Провести вас?

– Обойдусь.

Увидев его нагловатую улыбку, Маша внезапно ощутила прилив веселья. Давно ей не было так хорошо, а восхищенный взгляд подростка, жадно изучавший ее фигуру, и вовсе заставил ее почувствовать себя королевой всего мира. Быстро поднявшись на второй этаж, она, все еще улыбаясь, отыскала нужный кабинет и постучалась. Секретарь, молодая девица, ровесница Маши, с недовольным видом оторвалась от компьютера и спросила:

– Чем могу помочь?

– Я ищу сведения о человеке, который много лет назад учился в вашей школе, – сказала Маша.

– И?

– Его зовут Максим Ларк...

– Вы журналистка? – поинтересовалась девушка.

Маша не стала ее разочаровывать, видя, что, кроме утвердительного ответа, ничего другого секретарша не ожидает.

– Да. Я из Петербурга.

– Максим Ларк, говорите? – Голос девушки зазвучал гораздо приветливее. – В каком году он закончил школу?

Маша быстро прикинула нужные годы.

– В девяносто четвертом или девяносто пятом, – ответила она. – Точно не знаю.

– О! – вскрикнула девушка, смешно пошевелив тонкими бровями. – Вам нужно обратиться в архив. Впрочем, – задумалась она, – не спешите. Поговорите со Светланой Макаровой, учительницей химии. Она работает в нашей школе уже более тридцати лет. Наверняка она вам поможет. Если же нет, возвращайтесь ко мне, я позвоню в архив, договорюсь о встрече.

– Благодарю.

– Постойте, – девушка поднялась и подошла к Маше. – Этот Максим Ларк – он знаменитость?

– Художник, – в который уже раз за день солгала Маша. – Но он больше известен на Западе, чем у нас.

– Вот это да! – Девушка удивленно надула щеки.

– А где мне найти Светлану Макаровну?

– В учительской или в ее кабинете, – и она назвала номер класса.

В учительской Светланы Макаровны не оказалось, а кабинет ее и вовсе был закрыт. Маша разочарованно вздохнула, посмотрела на носившихся по рекреации детей и оперлась спиной о стену, ожидая, когда появится нужная ей дама. Учительница показалась в коридоре одновременно с задребезжавшим звонком. Дети мгновенно затихли, увидев ее, важную и недоступную, и их реакция вызвала у Маши смех.

– Светлана Макаровна, – позвала она высокую полную даму, облаченную в сиреневое платье, подходившее к цвету ее глаз, – не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего времени?

Светлана Макаровна, привлеченная столь витиеватым приветствием, остановилась, убрала за ухо прядь волос, упавшую на щеку, и кивнула, соглашаясь выслушать молодую женщину. Кратко описав причину, приведшую ее в школу, Маша замолчала. Интуиция внезапно подсказала ей, что Светлана Макаровна не сможет ей помочь, так что остается лишь выслушать ее отказ и придумать новый план действий.

– Я помню Максима, – неожиданно для Марии произнесла Светлана Макаровна. – Но, к сожалению, я не тот человек, который может что-либо рассказать вам о нем. Вам следует поговорить с Аллой Антоновой Гейнс, его классным руководителем. Она со многими бывшими учениками поддерживает отношения, кажется, с Максимом тоже. Хотя я могу ошибаться.

– Где мне ее найти? – с бьющимся от волнения сердцем спросила Маша.

– Аллочка в прошлом году ушла на пенсию. – Светлана Макаровна посмотрела на свой мобильный телефон – она держала его в руке. – Как, кстати, вас зовут? И почему вы интересуетесь Максимом? – спросила она, явно медля со звонком.

Маша повторила все то, что она недавно сообщила секретарю в приемной директора, и Светлана Макаровна кивнула, удовлетворенная ее ответом, и набрала номер Гейнс.

– А зовут меня Марией. – В этом отношении Маша решила не лгать и отступила на несколько шагов в сторону, не желая мешать разговору двух учительниц по телефону, и внимательно вслушивалась в звучный голос Светланы Макаровны.

– Алла Антоновна согласна вас принять, – наконец обратилась она к Маше. – Я дам вам ее номер, вы созвонитесь с ней завтра и договоритесь о встрече.

Глава 5

Маша недолго выбирала отель, в котором намеревалась провести ночь. Перекусив в центре города в небольшом кафе, она прошлась по набережной, прокручивая в памяти этот насыщенный встречами день, и остановилась перед отелем «Kaiserhof».

– Очень вовремя, – усмехнулась она, поднимаясь по небольшим ступенькам к стеклянной двери.

Девушка у стойки вежливо улыбнулась, приветствуя Машу, но глаза ее стали виноватыми, когда она объяснила, что из свободных номеров в отеле имеется только один, и тот – класса люкс.

– У нас две свадьбы, – пояснила она, быстро моргая. – Все остальные номера заказаны заранее.

– Согласна на люкс.

Маша прищелкнула языком, представляя, во сколько ей обойдется ночь на особо широкой двуспальной кровати – так было написано в буклете. Все же она решила, что может позволить себе подобный комфорт, но основным поводом для того, чтобы остаться здесь, было ее нежелание искать другой отель с номерами попроще и, соответственно, подешевле. Хотелось принять душ и, завернувшись в теплое одеяло, поскорее уснуть.

Девушка-администратор с неправдоподобно зелеными глазами и огромной грудью, явно не соответствовавшей ее хрупкому телосложению, подала Марии ключ и поинтересовалась ее багажом.

– Все мое – со мной. – Маша похлопала ладонью по своему саквоюжу и спросила: – Могу я заказать завтрак в номер?

– Разумеется, – широко улыбнулась девушка, склонившись к гостье, и только тогда стало заметно, что у нее в глазах цветные линзы.

– Отлично. – Маша подарила ей ответную улыбку, обрадовавшись тому, что утром ей не придется спускаться в ресторан, можно будет выпить кофе прямо в постели.

От ужина она отказалась, чувствуя легкую тошноту. Кроме этого, у нее вновь поднялась температура. Маша тряслась от озноба на широкой кровати, уткнувшись носом в подушку. Когда температура наконец начала спадать, девушка вспотела и простыня под ней промокла. Маша с трудом поднялась и прошла в ванную, сполоснула лицо прохладной водой, смочила грудь, ей стало легче. Она выпила привезенное с собой лекарство, вернулась в постель и забылась тяжелым сном. В который уже раз за последние дни ей привиделась темноволосая женщина, вплетающая в ее косы яркие банты, и мальчишка, крепко прижимавший ее к своей груди... Маша все время звала его во сне по имени, но он не откликался, лишь держал ее в объятиях, не желая отпускать.

Утром, разбуженная будильником, который она еще вчера установила в мобильном телефоне, Маша нехотя поднялась и подошла к окну, из которого открывался прекрасный вид на реку. Некоторое время она разглядывала темную спокойную воду, затем заказала завтрак и расположилась в кресле, ожидая, когда его принесут в номер.

Подкрепившись йогуртом, фруктами и кофе, девушка посмотрела на часы и решила, что Алле Антоновне, классному руководителю Максима, она позвонит после одиннадцати. Оставался еще час до этого времени. Маша прошла в ванную комнату и долго стояла под теплыми струями воды, смывая с себя остатки сна и усталости. Затем она тщательно нарядилась, чтобы не испугать пожилую женщину темными кругами под глазами, и почистила пальто, изрядно измявшееся и запачкавшееся после перелета и длинного суматошного вчерашнего дня. Хорошо, что она взяла с собой запасное платье, так как то, в котором она прилетела, выглядело несвежим и не вызывало желания надеть его вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.